

84(3)
Т80

ПАМЕЛА ТРЭВЕРС

Мэри Поппинс открывает Дверь

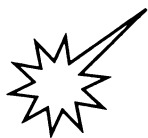

ПАМЕЛА ТРЭВЕРС

Мэри Поппинс открывает Дверь

СКАЗОЧНАЯ ПОВЕСТЬ

Художник Ольга ДМИТРИЕВА

529411

МОСКВА

Р О С М Э Н

2015

УДК 821.111-3-93
ББК 84(4Вел)
Т66

P. L. Travers
MARY POPPINS OPENS THE DOOR

Перевёл с английского и пересказал
Леонид Яхнин

© The Trustees of the P.L. Travers Discretionary Will Trust, 1943

This edition published by arrangements
with David Higham Associates Ltd
and Synopsis Literary Agency

Наш адрес в Интернете: www.rosman.ru

ISBN 978-5-353-07090-0 © Л. Яхнин, перевод с английского, 2015
© ЗАО «РОСМЭН», 2015

Глава первая

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Стылое, сырое утро хмурилось, всем своим видом напоминая, что скоро зима. Над Вишнёвым переулком, над парком плыл белёсый туман. Он оседал всё ниже и ниже, уже съел верх флагштока с морским флагом и подбирался к флюгеру на крыше дома адмирала Бума.

По переулку почти наугад двигался молочник. Он кое-как добрался до дома адмирала и поставил под дверью большую бутыль.

— Молоко! — просипел молочник, наглотавшийся тумана.

Он зябко поёжился, сделал шаг и тут же наткнулся на щётку.

Би-бу-би-би, — пробормотала щётка, и следом за ней выплыл из тумана трубочист.

Он держал перед собой в вытянутой руке одну щётку, а другую прижимал к усам, чтобы они не намокли и не обвисли от сырости.

— Бу-би-би, — извиняясь, прошепелявил сквозь щётку трубочист.

— Рановато вы поднялись, — удивился молочник.

— Надо было почистить камин, пока собаки не проснулись, — пожал плечами трубочист, убрав щётку от лица. — Мисс Ларк боится, как бы они не наглоотались золы.

Молочник хихикнул, как делал это всякий, если разговор заходил о собачках мисс Ларк. И тут весь переулочок взбудоражил ужасный шум, топот и грохот.

— Это в Доме Номер Семнадцать! — встрепенулся трубочист. — Мне как раз туда. Пока, дружище! — И он, нашаривая в тумане дорогу, направился к дому.

А там, раскидывая стулья и натыкаясь на шкафы, метался мистер Бэнкс.

— Носить это? — дрыгал он одной ногой. — Вынести всё это? — притопывал он другой.

— Объясни наконец, дорогой, в чём дело? — мягко спросила миссис Бэнкс. — Ты уже десять минут скачешь по комнатам.

Мистер Бэнкс, словно выплясывая какой-то дикарский танец, выбросил вверх левую ногу, потом правую. Миссис Бэнкс близоруко сощурилась.

— Право же, не понимаю, что тебе не нравится? — пожалала она плечами.

— Ах, не понимаешь? — закипел мистер Бэнкс. — Я тоже не понимаю, как Робертсон Эй сумел всучить мне один чёрный башмак, а другой — жёлтый!

— Ой! — всплеснула руками миссис Бэнкс.

— Ага! Ты сказала «ой!». Посмотрим, что скажет Робертсон Эй, когда я его уволю! — продолжал кипеть мистер Бэнкс.

— Он не виноват, папочка! — крикнула, сбегая с лестницы, Джейн. — Это всё туман. И потом, он совсем обесилел.

— А превращать мою жизнь в кошмар — это ему по силам? — бушевал мистер Бэнкс.

— Ему бы отдохнуть, папочка, — вмешался Майкл, появившийся вслед за Джейн.

— Вот это я ему устрою! Уволю, и всё тут! — угрожающе пообещал мистер Бэнкс, размахивая портфелем. — А куда подевалось моё пальто?

— Оно на тебе, — осторожно напомнила миссис Бэнкс.

— А пуговицы? Что же мне, каждый раз их пересчитывать? — бушевал мистер Бэнкс. — Никто в доме ничем не занимается! И зачем я только женился? Жил бы себе сейчас в пещере один-одинёшенек. Или отправился бы на край света! Всё! Ухожу! И к обеду меня не ждите!

— Это не честно! — в один голос закричали дети.

— Сегодня же Праздник фейерверков, — поддержала их миссис Бэнкс. — А ты, дорогой, лучше всех запускаешь ракеты, — попыталась подольститься она.

Но мистер Бэнкс только махнул рукой, ракетой устремился к двери, пробежал по дорожке и — блямс! — просто влип в трубочиста.

— Доброе утро, сэр! — гаркнул тот. — Поздравляю. Поздороваться с трубочистом — заручиться удачей на весь день!

— Не говорите мне об удаче! — пронёсся мимо мистер Бэнкс.

Трубочист глядел ему вслед, недоумённо покачивая головой.

Покачивала головой и миссис Бэнкс, глядя на себя в зеркало.

«Худею день ото дня. Просто с лица спала, — вздыхала она. — Вот и ямочка исчезла с правой щеки. Не ровён час, и левая пропадёт. И всё она, она!»

«Кто она?» — спросишь ты. Ну конечно же Мэри Поппинс! Пока она была здесь, в доме был полный порядок. Стоило ей исчезнуть, да ещё без предупреждения, как всё пошло кувырком.

«Джордж раздражается по любому пустяку, — продолжала вздыхать миссис Бэнкс. — У малышки Аннабел режутся зубки. За Близнецами нужен глаз да глаз, а Джейн и Майкл стали настоящими сорванцами. Сколько я ни давала объявлений, ни умоляла друзей и знакомых, няни нет как нет!»

— Делать нечего! Пошлю за мисс Эндрю! — вдруг выпалила она вслух.

Ответом ей был дружный детский вой. Все они помнили, что за ужас была для них эта гувернантка отца.

— Я и словечка с ней не скажу! — насупилась Джейн.

— А я скажу ей такое! — пригрозил Майкл.

— Не-е-е-е, — рыдали Близнецы Джон и Барбара.

Миссис Бэнкс зажала уши. И тут к её локтю прикоснулась горничная Элин.

— Прошу прощения, мадам, — буркнула она, — пришёл трубочист. Толкует, что будет чистить камин. Хочу сразу предупредить, сегодня я выходная и не собираюсь за ним убирать!

— Добрый день! — весело сказал трубочист, грохнув на пол мешок со щётками и всякими другими приспособлениями для чистки труб.

На шум из кухни показалась миссис Брилл.

— Трубочист? — насупилась она, вытирая испачканные мукой руки. — Прикажете печь пирожки с золой? Отка-
зываюсь, так и знайте!

— Но... — растерялась миссис Бэнкс, — я не пригла-
шала трубочиста. Извините, вы нам сегодня очень по-
мешаете.

— А камину щётка никогда не помешает! — бодро от-
ветил трубочист и высыпал на пол свои инструменты.

Миссис Бэнкс беспомощно поглядела на кухарку.

— Может, Робертсон Эй вам подсобит?.. — неуверенно
проговорила она.

— Он преспокойно спит в подсобке, укрывшись вашей
кружевной шалью! Его и пушкой не разбудишь! — презри-
тельно хмыкнула миссис Брилл. — А я, если не возража-
ете, пойду укладывать вещи. Прощайте, мадам! — И она,
брезгливо морщась, попыталась протиснуться мимо тру-
бочиста. — Ой, что вы делаете? — вскричала кухарка, по-
тому что трубочист вдруг ухватил её за руку.

— Пожать руку трубочисту — хорошая примета, — под-
мигнул ей чумазый наглец.

Миссис Брилл вдруг расплылась в улыбке.

— Ладно уж, — пробормотала она, направляясь в кух-
ню, — на этот раз остаюсь.

А трубочист уже повернулся к чистюле Элин.

— Не прикасайтесь ко мне, дикарь неумытый! —
взвизгнула Элин, но трубочист уже крепко пожимал
ей руку.

— Хорошо, хорошо, — вдруг смягчилась горничная. —
Но только чтобы ни соринки на коврике!

Трубочист хмыкнул и протянул руку миссис Бэнкс.
Она, сама не понимая почему, пожала его шершавую, ис-

пачканную сажей ладонь. Неожиданно миссис Бэнкс почувствовала, как на неё снизошло спокойствие.

— Повременим звать мисс Эндрю, — задумчиво проговорила она. — Попробую ещё раз дать объявление. Глядишь, няня и найдётся.

Майкл и Джейн облегчённо вздохнули и смело протянули руки навстречу трубочисту.

— А как вы поступаете, когда хотите пожелать удачи себе? — спросила Джейн.

— О, это проще простого! — откликнулся трубочист, просовывая щётку в дымоход. — Своей правой рукойжимаю левую.

Дети неотрывно следили за спорой работой трубочиста, наперебой подавая ему щётки. Трубочист трудился весь день не покладая рук. Несколько раз заглядывали в гостиную горничная и кухарка. Подходила миссис Бэнкс, справляясь, когда он закончит работу.

А за окном по-прежнему висел густой туман, съедая всё и поглощая любые звуки. Даже птиц не было слышно. Только старый, облезлый скворец всё скакал по подоконнику и настойчиво стучал клювом в стекло, будто звал кого-то.

Наконец трубочист управился с дымоходом и сложил щётки в мешок.

— Вот и чудесно! — обрадовалась миссис Бэнкс. — Теперь, я полагаю, вы можете отправляться домой. Время позднее.

— Да я не спешу! — успокоил её трубочист. — Обычно я пью чай в шесть часов, а сейчас только пять. Так что часок у меня есть в запасе.

— Но у меня совершенно нет времени! — всполошилась миссис Бэнкс. — Скоро вернётся муж. Я должна прибраться!

— Не собираюсь вам мешать, — примирительно сказал трубочист. — Но если у вас найдётся парочка-другая ракет, я могу взять детей и отправиться с ними в парк. Мы посмотрели бы фейерверк и сами развлеклись. Да и вам отдохнуть в тишине не помешает. Я ведь с детства обожаю фейерверки!

Дети запрыгали от радости, а Майкл подбежал к окну и закричал:

— Вы только посмотрите!

И тут все увидели, что Вишнёвый переулок преобразился: промозглый туман рассеялся, и окна домов затеплились жёлтыми огоньками. А небо на горизонте розовело и переливалось закатными красками.

Дети кинулись одеваться.

— Непременно наденьте пальто! — приказала им миссис Бэнкс, доставая с верхней полки буфета тщательно упакованный свёрток и передавая его трубочисту. — Только берегитесь искр! — напутствовала она.

— Искры, мадам, друзья трубочиста! — улыбнулся тот. — Искры и сажа!

Дети, словно щенята, восторженно прыгали вокруг трубочиста, который удалялся от дома, широко шагая по садовой дорожке. Миссис Бэнкс устало опустилась на стул. Скворец пристально посмотрел на неё сквозь стекло, вспорхнул и улетел...

День угасал. У ограды парка расположился Берт, продавец спичек. Он не только продавал спички, но и рисовал на асфальте картины. Вот и сейчас он разложил мелки, зажёл свечку и принялся что-то рисовать, не забыв приветливо кивнуть входящим в парк детям.

— Итак, всё начинается, — сказал, потирая руки, трубочист.

— Наоборот, всё заканчивается! — раздался позади них чей-то строгий голос. — Парк закрывается ровно в пять тридцать!

И они увидели паркового сторожа, важно поглядывавшего на них сверху вниз.

— Но ведь сегодня Праздник фейерверков! — захныкали дети. — Такой замечательный день!

— Порядок есть порядок! — неумолимо произнёс сторож. — И нарушать его нельзя даже в самый замечательный день!

— А где же нам устраивать фейерверк? — растерялся Майкл.

Парковый сторож на секунду задумался, глаза его загорелись.

— У вас есть петарды и ракеты? — спросил он. — Ну-ка, дайте сюда! — Сторож выхватил из рук трубочиста свёрток и стал нетерпеливо его развязывать, приговаривая: — А спички? Есть у вас спички?

— Вот, пожалуйста, — протянул ему коробок продавец спичек Берт.

— Пойдите, пойдите! — остановил сторожа Майкл. — Между прочим, это наши ракеты.

— Ну позвольте мне запустить хоть одну! — взмолился сторож. — Я не запускал ракет с тех самых пор, когда и сам был мальчиком! — И, не дожидаясь разрешения, трясущейся рукой запалил ракету.

С шипением вырвалась и устремилась в небо струя огня и — дум-дум-дум! — рассыпалась разноцветными, медленно угасающими искрами. А сторож уже схватил Огненное колесо, повесил его на ветку и чиркнул спич-

кой. Колесо бешено завертелось, косые огненные лучи прыснули от него во все стороны. Остановить сторожа было теперь невозможно. Он хватал ракеты, разворачивал петарды и зажигал, зажигал фитили один за другим...

С неба падал золотой дождь, сверкающие цветы распускались в воздухе и, рассыпаясь искрами, гасли и таяли в росистой траве. На мгновение вспыхивали и с треском лопались в небе пылающие шары и цилиндры, на фоне чернеющих ветвей извивались слепящие змеи. Дети вопили, пищали и верещали в полном восторге. Сторож тоже, как маленький, прыгал и скакал вместе с ними.

— А теперь! — кричал охрипший сторож. — Теперь...

Но трубочист остановил его, заметив, что в свёртке осталось всего три ракеты.

— Э, приятель, давай по справедливости, — твёрдо сказал он. — Вот тебе одна ракета. Остальные — мои.

Сторож нетерпеливо схватил свою ракету, воткнул её в землю и зажёл фитиль. Искра маленькой звёздочкой с шипением заскользила по фитилю, съедая его. И вдруг — тиу! — ракета стремительно взмыла в небо. Там, в темноте, раздался звучный хлопок, рассыпались по небу красно-голубые звёзды, и сверкающие потоки полились с высоты на землю, будто хлынул огненный дождь.

— Ой! — вскрикнули дети.

— Ох! — выдохнул трубочист.

И они замерли от восторга.

Но вот трубочист взял свечу и поднёс к своей ракете. Неверный свет заиграл на его чёрном от сажи лице.

Пум! — и в небе вырос светящийся купол, усыпанный белыми и зелёными звёздочками. Снова все ахнули в восхищении.

— Теперь наша, наша очередь! — закричали наперебой Джейн и Майкл.

Майкл воткнул ракету в землю, а Джейн дрожащей рукой поднесла к фитилю зажжённую свечу. Сейчас, сейчас! Тиу-уу! — взмыла в небо ракета. Дети, затаив дыхание, ждали, когда она взорвётся и рассыплется сверкающими звёздочками. Вот-вот это случится! Но до них донёсся лишь слабый хлопок, а небо по-прежнему оставалось чёрным и глубоким, как кротовая нора.

— С некоторыми ракетами такое случается, — покачал головой трубочист. — Улетят в небо и не взорвутся. Ладно. Пора домой.

Тут и сторож опомнился.

— Парк закрывается! — громогласно объявил он. — Прошу всех удалиться!

Но Майкл и Джейн не шелохнулись. Они стояли рука об руку и до боли в глазах всматривались в непроглядную черноту. Видели они то, чего не замечали другие. Там, вверху, слабо мерцающая и медленно опускаясь всё ниже и ниже, плыла крохотная искорка.

— Может, это падающая звезда? — шепнула Джейн. — Но почему она падает так медленно?

— Или наша ракета была всего с одной звёздочкой? — размышлял Майкл. — Но тогда почему она так долго не гаснет?

А искра и впрямь не собиралась гаснуть! Она приближалась и росла, росла, росла!

— Дети, пора! — тянул их трубочист.

— Парк закрывается! — надрывался сторож.

Но Майкл и Джейн не двигались с места. А искра становилась всё больше и ярче. Джейн затаила дыхание. Майкл глубоко вздохнул.

«Неужели это...» — боялась себе признаться Джейн.

«Может ли такое быть?..» — не верил своим глазам Майкл.

А искра, приближаясь, удлинялась и удлинялась. Она становилась похожей... на человеческую фигуру. И такую знакомую!

Вот в сияющих лучах обозначилось синее пальто...

Масляно сверкнули серебряные пуговицы...

Обрисовалась чёрная шляпка...

Качнулась ковровая сумка...

И... конечно же, сложенный зонтик с головкой попугая на длинной ручке!..

Продавец спичек Берт побросал свои мелки и радостно замахал руками. А необыкновенная фигура уже парила над самыми верхушками деревьев. Её ноги коснулись кроны дуба, и она, грациозно ступая по веткам, как по ступенькам, начала спускаться вниз. Вот уже, изящно покачиваясь, она стоит на самой нижней ветке.

Джейн и Майкл поначалу онемели от счастья, но в следующее мгновение сорвались с места и понеслись вперёд как угорелые.

— Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! — кричали они, и слёзы радости стояли в их глазах.

— В-вы в-вернулись! В-вернулись! — заикаясь от волнения, повторял Майкл.

— Мы знали! Мы знали! — твердила Джейн.

Губы Мэри Поппинс едва заметно дрогнули в улыбке. Она спрыгнула с дерева, и дети кинулись к ней, ласково урча и попискивая, словно малые котята.

Мэри Поппинс строго посмотрела на их замурзанные лица, отодрала от своего пальто испачканные сажей пальцы.

— Ни дать ни взять чёрные гиены, — сердито сказала она. — А почему, позвольте спросить, вы гуляете в парке по ночам, разрисованные, как индейцы?

Дети поспешно вытащили носовые платки и принялись оттирать щёки.

— Это моя вина, Мэри Поппинс, — сказал трубочист. — Я чистил камин у них дома и...

— Если КОЕ-КТО так неаккуратен, то его самого скоро придётся чистить и драить, как камин! — заметила Мэри Поппинс.

— Бу-бу... Де-де... Е-е-е-е... — бессвязно бормотал сторож, стоя посреди дорожки и с изумлением глядя на Мэри Поппинс.

— Будьте любезны, освободите дорогу! — ледяным тоном попросила Мэри Поппинс, отодвигая сторожа в сторону и пропуская впереди себя детей.

— Это уже во второй раз! — обрёл наконец дар речи сторож. — Тогда на воздушном змее, а теперь вот эдаким манером... Вы не должны выкидывать подобные штуки! Слышите? Это против правил! Такого не бывает и быть не может!

Он хотел было погрозить пальцем, но Мэри Поппинс быстро сунула ему в ладонь маленький картонный квадратик.

— Что это? — спросил сторож, недоумённо разглядывая картонку.

— Мой обратный билет, — преспокойно ответила Мэри Поппинс.

— Какой такой билет? — возмутился сторож. — Билеты в автобусах и поездах! А вы сваливаетесь нам на голову

понятия-не-имею-как! Любопытно было бы знать, откуда вы явились?

— Любопытной Варваре на базаре нос оторвали! — бросила на ходу Мэри Поппинс.

Она отстранила паркового сторожа и важно прошествовала мимо. А бедняга так и стоял, растерянно вертя в руке картонный квадратик.

Дети крутились, пританцовывая, около Мэри Поппинс, путались у неё в ногах.

— Идите, пожалуйста, спокойно! — сердито бросила она. — Нечего скакать, как морские свинки в цирке! А кто из вас, хотелось бы знать, баловался с зажжённой свечкой?

— Это я зажгёг её, Мэри, — виновато проговорил продавец спичек Берт. — Я хотел написать тебе... — Он показал рукой на дорожку.

Там, на асфальте, все увидели выведенный цветными мелками обрывок фразы:

ДОБРО ПОЖА...

Мэри Поппинс снисходительно улыбнулась.

— Очень мило, Берт, — мягко проговорила она.

Продавец спичек схватил её руку в тугой чёрной перчатке.

— Увижу ли я вас в четверг, Мэри? — спросил он, заглядывая ей в глаза.

— Именно в четверг, Берт, — величественно кивнула она и, обратив строгий взгляд на детей, скомандовала: — Попрошу не топтаться на месте!

И они вслед за вновь обрётённой няней послушно потянулись вдоль по переулку к Дому Номер Семнадцать.

Наверху в детской исходила криком крошка Аннабел. Миссис Бэнкс суматошно металась по холлу.

— Бегу, бегу, дорогая! — откликнулась она.

Тут распахнулась входная дверь, и на пороге появились дети вместе с Мэри Поппинс. От неожиданности миссис Бэнкс так и села.

— Неужели это вы, Мэри Поппинс? — ахнула она.

— Как видите, мадам, — спокойно ответила Мэри Поппинс.

— Но откуда вы...

— Она появилась из... — восторженно начал Майкл и умолк под свирепым взглядом Мэри Поппинс. А уж что означает этот взгляд, он прекрасно знал.

— Я пришла из парка, мадам, — пожала плечами Мэри Поппинс.

— Слава богу! — вырвалось у миссис Бэнкс.

Она мгновенно припомнила всё, что творилось в доме с той поры, как Мэри Поппинс покинула их. «Только не выказывать слишком большую радость, — спохватилась миссис Бэнкс, — не то она вознесётся пуще прежнего».

— Но вы исчезли, Мэри Поппинс, не предупредив нас ни единым словом! — сказала она, изображая благородное негодование. — Полагаю, вы могли бы предупредить меня заранее, когда уходите и приходите. Это же невозможно предугадать!

— Ничего предугадать невозможно, мадам. Это не доступно никому, — спокойно ответила Мэри Поппинс, снимая перчатки.

— И даже вам, Мэри Поппинс? — подняла брови миссис Бэнкс.

— Ну, ей-то доступно!.. — дерзко вмешался Майкл и тут же осёкся под яростным взглядом Мэри Поппинс.

— Но как бы то ни было, вы здесь! — воскликнула миссис Бэнкс и облегчённо вздохнула. Теперь не нужно давать объявление или посылать за мисс Эндрю.

— Да, мадам, — сказала Мэри Поппинс. — Извините, — добавила она, ловко минуя миссис Бэнкс.

Она поставила свою кофровую сумку на перила, и та вдруг — вжик! — стремительно заскользила вверх и влетела в детскую. А Мэри Поппинс раскрыла зонтик, он, словно летучая мышь, распахнул свои чёрные крылья и, крикнув по-попугайски, мгновенно унёсся вслед за сумкой.

Дети изумлённо открыли рты и стрельнули глазами в сторону матери. Но миссис Бэнкс, устремившаяся к телефону, ничего не заметила.

— Камин в гостиной вычищен, на обед у нас бараньи отбивные с горошком, а Мэри Поппинс вернулась! — затараторила она.

— Поверить не могу! — загудел в трубке голос мистера Бэнкса. — Иду сейчас же! Я должен убедиться сам.

Миссис Бэнкс расплылась в счастливой улыбке и повесила трубку...

5 2 5 4 1 1

Мэри Поппинс, выпрямившись в струнку и цокая каблучками, степенно поднялась по ступенькам наверх, в детскую. Дети затопали следом. Ковровая сумка преспокойно лежала на своём привычном месте, на каминной полке. А в углу застыл зонтик с ручкой в виде головы попугая. У вещей был такой вид, будто они никогда и не покидали этой комнаты.

В колыбельке лежала уставшая от крика крошка Аннабел и старательно тянулась к собственным ножкам. Она тут же уставилась на Мэри Поппинс и ангельски заулыбалась беззубым ртом.

— Гм! — хмыкнула Мэри Поппинс, аккуратно укладывая шляпку в картонную коробку.

Она повесила на крючок пальто, потом внимательно оглядела себя в зеркало и открыла сумку. Сумка была совершенно пуста! Но Мэри Поппинс вдруг извлекла оттуда небольшую рулетку.

— А это зачем, Мэри Поппинс? — удивилась Джейн.

— Измерим, насколько ты выросла, — ответила Мэри Поппинс.

— А нас папа недавно измерял! — заявил Майкл. — Мы выросли на полпальца.

— Стой прямо и не болтай! — приказала Мэри Поппинс. Она измерила его с головы до ног и громко фыркнула: — Так и есть! Ты становишься всё хуже и хуже!

Майкл обомлел.

— На рулетках нет никаких слов, а только сантиметры! — обиженно выкрикнул он.

— Разве? — издевательски хмыкнула Мэри Поппинс и сунула ему под нос рулетку.

На ленте было крупно выведено синими буквами: *Х-УЖ-Е И Х-УЖ-Е*.

— Ох! — испуганно прошептал Майкл.

— Голову выше, пожалуйста! — уже командовала Мэри Поппинс, прикладывая ленту к спине Джейн. — *Ты превратилась в упрямого, ленивого, эгоистичного ребёнка!* — торжественно прочитала она.

Слёзы навернулись на глаза девочки.

— Я не такая! — всхлипнула Джейн. Она отчего-то помнила о себе только самое хорошее.

А Мэри Поппинс уже прикладывала рулетку к Близнацам.

— *Вздорные драчуны!* — прочитала она.

А крошка Аннабел и вовсе оказалась *избалованной капризулей*.

— Так я и думала! — привычно фыркнула Мэри Поппинс. — Стоило мне отлучиться ненадолго, как вы превратились в диких зверей! Вам место в зверинце!

Высказав это, она обернула ленту вокруг собственной талии, и на её лице расцвела довольная улыбка.

Прекраснее, чем обычно, практически совершенна, — значилось на ленте.

— Само собой разумеется, — гордо отметила она и добавила не терпящим возражения тоном: — А теперь быстро в ванную! Одна нога здесь, другая там!

И детей будто смыло. Теперь, когда Мэри Поппинс вернулась, всё снова вошло в свою колею. В мгновение ока все были умыты, за ужином не было нытья и капризов, ни крошки, ни капли не осталось в тарелках и чашках. Задвинув на место стулья и аккуратно сложив салфетки, дети без уговоров улеглись в постель.

Мэри Поппинс неслышно ходила по детской, поправляя, подсовывая под бочок и подтягивая одеяла. Дети чувствовали исходящий от неё привычный аромат — чудесный запах свежеподжаренных гренок — и слышали похрустывание её накрахмаленного передника. Они ощущали в темноте её присутствие и наслаждались прихлынувшим покоем.

Когда Мэри Поппинс проходила мимо Майкла, он высунул голову из-под одеяла и, перегнувшись, заглянул

под кровать. Там не было ничего, кроме пыли и тапочек. Под кроватью Джейн тоже ничего не оказалось.

— А где же вы будете спать, Мэри Поппинс? — с любопытством спросил он.

Она не удостоила его ответом, а просто легко прикоснулась к дверце платяного шкафа. Дверца послушно распахнулась, и оттуда выскользнула такая знакомая раскладушка, уже застеленная и с лежащей поверх одеяла стопкой вещей Мэри Поппинс. Там было всё, что необходимо: туалетное мыло, шпильки, духи, складной стульчик, зубная щётка и кругленькие таблетки. На подушке лежали аккуратно сложенные фланелевые ночные сорочки. Тут же оказалась пара туфельек, домино, купальные шапочки и альбом с открытками.

Дети так и сели на кроватях, хлопая от удивления глазами.

— Но как же всё это здесь оказалось? — прошептал Майкл. — Ведь ещё сегодня днём ничего такого не было! Я точно знаю, потому что прятался в шкафу от Элин!

Ответа он не получил, зато заработал такой грозный взгляд от Мэри Поппинс, что последние слова будто примерзли к его губам.

Джейн и Майкл переглянулись. Их взгляды были красноречивее слов: не стоит ждать от неё объяснений, всё равно ничего не добьёшься.

А Мэри Поппинс между тем развернула просторную ночную сорочку и утонула в ней. Пока Мэри Поппинс раздевалась под сорочкой, будто в шалашике, дети украдкой наблюдали за её смешными движениями. Клип, клип! — расстегнулись пуговицы и крючки. Свиш, свиш! — шурша, упала на пол нижняя юбка. Чувство мира и покоя

охватило детей. И они понимали, что исходит оно от Мэри Поппинс. Уже почти засыпая, они наблюдали за извивающейся ночной сорочкой, и приятные воспоминания оведали их. Вот Мэри Поппинс впервые прилетела к ним с восточным ветром. А вот зонтик унёс её прочь, когда ветер поменялся на западный. И снова она вернулась на воздушном змее, а потом опять исчезла, покинула их.

А теперь, счастливо вздохнули они, Мэри Поппинс вернулась, и всё будет чудесно! Она здесь, рядом с ними, в детской, будто никогда и не отлучалась ни на минуту! Тёплые чувства переполняли Майкла, приятные мысли будоражили его, вскипая в голове, будто пузырьки в газированной воде. И вдруг вырвались наружу!

— Ох, Мэри Поппинс! — трепеща, прошептал он. — Без вас было просто ужасно!

Губы её дрогнули. Казалось, вот-вот они раздвинутся в улыбке. Но ведь это была Мэри Поппинс!

— Вы были ужасны, вот как я бы сказала! — нахмурилась она. — Превратили дом в настоящую медвежью берлогу! Как здесь вообще можно жить?

— Но вы-то останетесь у нас? — заискивающе спросил Майкл.

— Мы будем паиньки-паиньки, только не уходите, — льстиво подхватила Джейн.

Мэри Поппинс ровным взглядом окинула детскую. Казалось, она смотрит куда-то далеко, за стены комнаты.

— Останусь, — произнесла она, помолчав немного, — останусь, пока Дверь не откроется.

Джейн ахнула.

— Только не говорите так, Мэри Поппинс! — воскликнула она. — Эта дверь и не закрывается никогда!

— Я имею в виду Другую Дверь, — молвила Мэри Поппинс, поправляя ночную сорочку.

— Какая ещё дверь? — недоумённо шепнула Майклу Джейн.

— Я догадался, — заговорщицки проговорил Майкл. — Никакой другой двери здесь нет. А дверь, которой нет, не может открыться! Выходит, она останется с нами навсегда!

И, чрезвычайно довольный своей догадкой, он счастливо рассмеялся.

Джейн, однако, не была столь уверенной. «Чудно как-то...» — подумала она, но Майкл не дал ей додумать, принявшись болтать без умолку.

— Как здорово, что я пожал сегодня руку трубочисту! — трещал он. — Это принесло нам удачу! Может быть, он завтра придёт чистить дымоход в детской и пожмёт руку вам, Мэри Поппинс!

— Фи! — фыркнула она, подняв подбородок. — Благодарю вас, в удаче не нуждаемся!

— Да-а, — задумчиво протянул Майкл, — вам она уж точно не нужна. Тот, кто умеет вылетать из ракеты, как вы этим вечером, уже родился удачливым. То есть, я имею в виду... Ой, не смотрите на меня так!

Ледяной взгляд Мэри Поппинс пронизал полумрак детской, и бедняге Майклу стало неуютно и зябко даже в его тёплой постельке.

— Я не ослышалась? — надменно проговорила она. — Насколько я поняла, ты уподобляешь меня ракете? — Слово «ракета» в её устах прозвучало так, будто ничего более гадкого ей и слышать не приходилось.

Дети замерли. Майкл, понимая, что положение его ужасно, остановиться, однако, уже не мог.

— Но, — с отчаянной дерзостью выпалил он, — ведь это были вы, Мэри Поппинс, и никто другой! Ракета — хлоп! — взорвалась, и вы вылетели из неё прямо в небо!

Мэри Поппинс подошла к Майклу и нависла над ним. Казалось, она выросла до потолка.

— Хлоп? — повторила Мэри Поппинс. — Взорвалась и вылетела? Из ракеты?! Я?!!

Майкл вжался в подушку.

— Но ты же видела это, Джейн! — воззвал он к сестре.

— Тс-с! — прошептала Джейн. Она понимала, что ничего хорошего из этого спора не выйдет.

— Хлоп! — и взорвалась? — прошипела Мэри Поппинс. — Вы не раз оскорбляли меня, Майкл Бэнкс, но это уже НАГЛОСТЬ! Если я ещё услышу словечко «хлоп!» или упоминание о ракете... — Она не сказала, что тогда произойдёт, но Майкл не сомневался: случится нечто ужасное!

«Тюи-тви-тви!» — донёсся от подоконника тоненький голосок. И они увидели старого скворца, возбуждённо хлопающего крыльями.

— Прочь! Прочь, нахальная пичужка! — сердито прикрикнула на него Мэри Поппинс, подбежав к окну.

Скворец упорхнул. Мэри Поппинс выключила ночник и улеглась в постель. Некоторое время дети слышали её тихое гневное бормотание:

— Ха! Хлоп... хлоп...

Потом всё стихло. Тишина мягким, невесомым облаком окутала детскую. Сон распростёр свои невидимые крылья... И тут от кровати Джейн донёсся еле слышный шёпот:

— Майкл!

Он посмотрел в ту сторону, куда указывала сестра, и увидел, как из угла, где камин, постепенно разгораясь, льётся слабый свет. И тут с лёгким шорохом раскрылся зонт. Его чёрный купол был полон разноцветных звёзд, точно таких, какие вспыхивают в небе после взрыва ракеты. Но ещё больше изумились дети, когда ручка зонтика распрямилась, превратившись в шею попугая, и тот стал склёвывать звёздочки, роняя их на пол. Там они гасли одна за другой, вспыхивая напоследок золотыми и серебряными искрами. Когда погасла последняя искорка, ручка зонтика выпрямилась, голова попугая замерла, снова превратившись в обычный набалдашник, а чёрный зонтик с таинственным хрустом закрылся.

Дети переглядывались и молча улыбались. Ну какими словами передать восторг, который испытывали они, как объяснить те чудеса, которые случались в детской, едва туда являлась Мэри Поппинс!

Тик-так! — приговаривали каминные часы. — Тик-так, спать-спать! Тик-так!..

И глаза детей смежились сами собой, а бессонные часы продолжали тикать в такт их ровному дыханию.

Мистер Бэнкс еидя спал в своём кабинете, похрапывая и прикрыв лицо газетой.

Миссис Бэнкс пришивала чёрные пуговицы к его старому пальто.

— Всё ещё думаешь, чем бы ты занялся, если бы не женился? — спросила она.

— А? Что? — встрепенулся мистер Бэнкс, просыпаясь. — Уже не думаю. Во-первых, слишком много хлопот.

А во-вторых, после возвращения Мэри Поппинс я могу и вовсе ни о чём не думать.

— И чудесно! — откликнулась миссис Бэнкс, пришивая очередную пуговицу. — А я постараюсь научить Робертсона Эй.

— Чему? — бормотнул мистер Бэнкс, снова задрёмывая.

— Не перепутывать ботинки, конечно же! Не давать тебе один чёрный, а другой — жёлтый.

— Не вздумай делать это! — окончательно проснулся мистер Бэнкс. — Разные ботинки — это по-настоящему оригинально. Все были в полном восторге. Теперь я буду ходить именно так!

— И чудесно! — обрадовалась миссис Бэнкс.

По правде говоря, она всегда считала, что мистер Бэнкс поступил правильно, женившись на ней. И теперь, когда Мэри Поппинс вернулась, стоит напоминать ему об этом почаще.

Внизу, на кухне, сидели за столом миссис Брилл и зашедший на чашечку чая полисмен.

— Уж эта мне Мэри Поппинс! — толковал полисмен. — Сегодня она исчезает, завтра появляется.

— Ох, и не говорите! — шмыгнула носом кухарка. — Мне сдаётся, на этот раз она поселится у нас навсегда.

— Может быть, может быть, — покачал головой полисмен, подавая ей носовой платок. — Никогда нельзя быть уверенным.

— Надеюсь, что так и будет, — вздохнула миссис Брилл. — Когда Мэри Поппинс здесь, дом становится похож на хрустальный дворец.

— Я тоже так думаю, — вмешался Робертсон Эй, возясь с метёлкой. Он закутался в шаль миссис Брилл и отправился спать.

Но что думала на этот счёт Мэри Поппинс, знать не мог никто из них. Мэри Поппинс, как нам известно, никому не открывала своих намерений и никогда не говорила: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МОИ ТАЙНЫ!»

Глава вторая

ЖЕЛАНИЯ МИСТЕРА ТВИГЛИ

— **Н**у пойдёте же, Мэри Поппинс! — ныл Майкл, нетерпеливо приплясывая на мостовой. Мэри Поппинс не удостоила его вниманием. Она любовалась своим отражением в медной табличке на дверях дома доктора Симпсона.

— Вы совсем неплохо выглядите! — ляпнула Джейн.

— Не-пло-хо? — фыркнула Мэри Поппинс.

Это же надо, сказать «неплохо» про её новую чёрную шляпку с синим бантом! Великолепно — вот самое подходящее слово! Высоко держа голову, она стремительно сорвалась с места, и дети вынуждены были бежать вприпрыжку, чтобы не отстать от неё.

В этот чудесный майский день они втроём шли навесит мистера Твигли. Дело в том, что пианино в гостиной расстроилось, и миссис Бэнкс попросила подыскать настройщика.

— Это мой кузен, мадам. Мистер Твигли. Его дом в трёх кварталах отсюда, — объявила Мэри Поппинс.

— Не слышала никогда о нём! — удивилась миссис Бэнкс.

На это Мэри Поппинс привычно фыркнула и ответила, что все её родственники, без сомнения, самые лучшие люди.

Майкл и Джейн уже были знакомы с некоторыми родственниками Мэри Поппинс и, поспешая за ней, принялись гадать, на кого похож мистер Твигли.

— Думаю, он длинный и тощий, как мистер Вверх-Тор-машками, — решил Майкл.

— А я думаю, что он маленький и круглый, как мистер Паррик, — возразила Джейн.

— Никогда не видела таких любителей думать! — сказала Мэри Поппинс. — Не боитесь иссушить мозги? Идите-ка вперёд!

Они торопливо зашагали за ней, завернули за угол и оказались на узкой улочке с низенькими, старинного вида домами.

— Что это за улица? — удивилась Джейн. — Сколько раз бывала здесь и никогда её не видела.

— Не морочьте мне голову! — рассердилась Мэри Поппинс. — Уж не полагаете ли вы, что я перенесла её сюда на руках?

— Я бы не удивился, если бы так и случилось, — буркнул под нос Майкл, разглядывая странные маленькие домики, и добавил с заискивающей улыбкой: — Ведь вы такая умная, правда?

— Хм! — насмешливо откликнулась Мэри Поппинс, однако губы её чуть заметно дрогнули в самодовольной улыбке. — Умён тот, кто умно поступает. Но это, увы, сказано не про вас. — Она фыркнула и двинулась вниз по улице, увлекая за собой детей.

Остановившись перед одним из домиков, Мэри Поппинс позвонила.

Дз-зинь! — громко звякнул дверной звонок. Наверху тут же распахнулось окно, и большая голова с пучком на лытылке выскочила из него, как чёртик из коробочки.

— Ну, что случилось? — грубо спросила голова. Увидев Мэри Поппинс, эта женщина с пучком недовольно пробормотала: — Ах, это вы? — и уже сердито добавила: — Ну и возвращайтесь туда, откуда пришли! Его нет дома!

Выпавив это, голова пропала, и окно с треском захлопнулось. Дети растерянно переглянулись.

— Может, прийти завтра? — нерешительно произнесла Джейн.

— Сегодня или никогда! Вот мой девиз! — выпалила Мэри Поппинс и с силой нажала кнопку звонка.

Дверь распахнулась, и перед ними предстала владелица головы, увенчанной пучком. На ногах у неё были громадные чёрные башмаки, живот прикрывал белый в синюю клетку фартук, а на плечах висела чёрная шаль. Джейн и Майкл решили, что такой неприятной особы они в жизни не встречали. Им стало ужасно жалко мистера Твигли.

— Как, опять вы?! — закричала толстуха. — Я же сказала вам: его нет дома! Это так же верно, как меня зовут Сара Кламп!

— Выходит, вы не миссис Твигли? — обрадовался Майкл.

— Пока ещё нет, — зловеще улыбнулась миссис Кламп. — Эй! Куда? Назад! — завопила она, увидев, что Мэри Поппинс проскользнула в дом, увлекая за собой детей. — Слышите? Я заявлю в полицию! Только посмотрите, врываются в дом к порядочной женщине, будто какая-то банда вампиров!

— Порядочной? — фыркнула Мэри Поппинс. — Если вы порядочная, то я трёхгорбый верблюд! — И она три раза постучала в дверь справа от неё.

— Кто там? — послышался испуганный голос.

Джейн и Майкл насторожились. Вдруг мистер Твигли и впрямь дома?

— Это я, кузен Фрэд. Откройте, пожалуйста, дверь! — вежливо попросила Мэри Поппинс.

На мгновение наступила тишина. Потом в замочной скважине со скрипом повернулся ключ. Дверь распахнулась, и Мэри Поппинс, втянув за собой детей, скользнула в комнату и снова заперла дверь на ключ.

— Впустите меня, вы, пират! — закричала миссис Кламп, яростно дёргая ручку двери.

Мэри Поппинс тихо рассмеялась. Дети принялись разглядывать комнату. Они оказались на просторном чердаке, усеянном всякими деревяшками, банками с краской, пузырьками из-под клея. Везде, где только можно, стояли, висели, лежали музыкальные инструменты. В одном углу возвышалась арфа, в другом громоздились барабаны. Со стропил свисали трубы и скрипки. На полках вдоль стен горой лежали флейты и рожки. Пыльный верстак у окна был завален плотницкими инструментами. На самом краю верстака поместились маленькая лакированная шкатулка и крошечная отвёрточка.

Прямо посреди пола стояло ещё пять музыкальных шкатулок. Они сверкали свежеевыкрашенными поверхностями, а рядом с ними мелом было выведено:

ОСТОРОЖНО — ОКРАШЕНО!

Весь чердак был наполнен чудесным ароматом древесных стружек, краски и лака. Только одного здесь не хватало — самого мистера Твигли.

- Впустите меня сейчас же, или я обращусь в полицию! — кричала миссис Кламп, колотя в дверь.

Мэри Поппинс оставалась невозмутимой. Наконец послышались тяжёлые шаги и затихающее гневное бормотание. Миссис Кламп спускалась по лестнице вниз.

— Она ушла? — прозвучал откуда-то встревоженный голос.

— Ушла. А я заперла дверь. Но что с вами, Фрэд? Куда вы подевались? — нетерпеливо фыркнула Мэри Поппинс.

— Мэри, я загадал желание, — виновато пропищал голос.

Джейн и Майкл недоумённо озирались, не понимая, куда же подевался мистер Твигли.

— Ох, Фрэд! Только не говорите мне, что... Нет, лучше загадайте, пожалуйста, ещё одно желание и появьтесь, где бы вы ни находились. Не могу же я торчать здесь целый день!

— Хорошо! Я иду! Не волнуйтесь!

Скрипка пропела какую-то короткую мелодию, и прямо из воздуха, во всяком случае так показалось детям, выплыли две короткие ножки в мешковатых штанах. За ними последовало тело в потёртом сюртуке. Наконец показалась длинная белая борода, сморщенное, как старая картошка, лицо с очками на носу и лысая голова с плоской шапочкой на макушке.

— Ах, кузен Фрэд, кузен Фрэд! — укоризненно покачала головой Мэри Поппинс. — В ваши-то годы — и такое глупое ребячество.

— Какая чепуха, Мэри! — воскликнул мистер Твигли. — Кто сказал, что ребячиться глупо? Вы согласны со мной, молодой человек? — И он озорно подмигнул Майклу.

Тот не удержался и подмигнул в ответ.

— Но где же вы прятались? — спросил Майкл. — Не могли же вы появиться из воздуха!

— Мог бы! — ответил мистер Твигли. — Если бы пожелал.

И он радостно запрыгал по комнате.

— Вы хотите сказать, что стоит вам только пожелать — и вы исчезнете?

Мистер Твигли кивнул и, покосившись на дверь, шепнул:

— Всё из-за неё. Я прятался!

— Почему? Что она может вам сделать? — недоумевала Джейн.

— Потому что она хочет выйти за меня замуж и завладеть всеми моими желаниями!

— А что, любое ваше желание исполняется? — позавидовал Майкл.

— Любое! Но только в полнолуние, третьего мая, после дождичка в четверг! А она... — опасливо кивнул на дверь мистер Твигли, — она хочет, чтобы я пожелал золотой дворец и на каждый день к обеду павлиний пирог. Но мне-то золотой дворец не нужен! И пирогов с павлином я не люблю. А я хочу всего-навсего...

— Осторожнее, Фрэд! — предостерегла его Мэри Поппинс.

Мистер Твигли зажал рот ладонью.

— Тшш! Тшш! — сказал он сам себе. — Помни, дружище Твигли! Ты и так уже использовал два желания!

— А сколько их у вас всего? — спросила Джейн.

— Было семь, осталось пять, — вздохнул мистер Твигли. — Моя крёстная считала, что семь — магическое число. Я знаю, эта милая старушка желала мне добра. Но

лучше бы она подарила мне, как обычно, серебряную ложечку на зубок. И польза, и никаких хлопот.

— А по мне, так желания намного лучше! — уверенно заявил Майкл.

— Нет-нет, вы ошибаетесь! — воскликнул мистер Твигли. — Желания такие хитрющие! Их трудно удержать. Выскакивают сами собой. Представьте, вы придумали замечательное желание и только собираетесь его загадать, как приходит время ужина, и вам ужасно хочется есть. Хоп! — и вместо чудесных задуманных вещей вы получаете обыкновенные сосиски с картофельным пюре. И — фыть! — улетело ваше желание!

— А те два желания, которые вы уже использовали? Они были хорошими? — спросил Майкл.

— Пожалуй, неплохими! Во всяком случае, я так полагаю. Я чинил птичку, — мистер Твигли кивнул на верстак, — когда услышал её шаги на лестнице. «О, Боже, — подумал я, — как бы я хотел исчезнуть!» И в следующую секунду исчез! Так что она не врала, сказав вам, будто меня нет дома.

Мистер Твигли весело заклохотал, подмигнул детям и подпрыгнул, взмахнув лапами сюртука, как крыльями. Они ещё никогда не видели такого лучащегося от радости человека. Впрочем, сейчас он больше напоминал беззаботную птичку, пусть и несколько крупноватую.

— Правда, потом, — добавил мистер Твигли, нежно поглядывая на Мэри Поппинс, — мне пришлось пожелать вернуться обратно, чтобы встретить Мэри. Итак, дорогая, чем могу служить?

— Миссис Бэнкс хотела бы настроить своё пианино, Фрэд. Это Дом Номер Семнадцать по Вишнёвому переулку, — сообщила Мэри Поппинс.

— Ага, миссис Бэнкс! Тогда это её... — И он поглядел на детей.

— Вы угадали. Знакомьтесь: Джейн и Майкл Бэнкс, — церемонно произнесла Мэри Поппинс.

— Рад познакомиться! Для меня это большая честь! — Мистер Твигли отвесил поклон и пожал руку каждому из них. — Я хотел бы вас достойно угостить, но сегодня у меня всё вверх дном!

Запели скрипки и флейты, бумкнули барабаны, и чердак наполнился весёлой музыкой.

— Что это? — вздрогнул мистер Твигли. В каждой из его растопыренных рук оказалось по большому блюду со взбитыми сливками и персиками.

Мистер Твигли опасливо понюхал персики, слизнул завиток взбитых сливок и сокрушённо покачал головой.

— Увы, вот и третье моё желание! — уныло проговорил он, вручая блюда детям. — Но у меня осталось ещё четыре! Впредь буду осторожнее.

— Если уж вы решили таким образом потратить своё драгоценное желание, кузен Фрэд, — недовольным тоном произнесла Мэри Поппинс, — то пожелали бы тарелку бутербродов. По крайней мере, это не испортило бы детям аппетит перед обедом.

Джейн и Майкл поспешно заработали ложками. Они вовсе не собирались давать мистеру Твигли опомниться и пережелать.

— А теперь, — сказала Мэри Поппинс, когда блюда опустели, — поблагодарите мистера Твигли, и пойдёте домой.

— О нет, Мэри! Вы ведь только-только пришли! — Мистер Твигли был так потрясён, что впервые застыл на месте неподвижно.

— Ну, Мэри Поппинс, давайте побудем ещё немного! — зашляляли Майкл и Джейн. Не могли же они уйти, так и не узнав, на что мистер Твигли потратит остальные желания.

Мистер Твигли сжал руку Мэри Поппинс:

— Я чувствую себя в безопасности, когда вы рядом, Мэри! И кроме того, мы так давно не виделись! Почему бы вам не побыть ещё немного? Я так этого хочу...

«Фьюить-фить-фить!» — разнеслась по чердаку птичья трель. И в тот же момент непреклонная решимость на лице Мэри Поппинс сменилась вежливой улыбкой. Она сняла шляпку и положила её на верстак рядом с баночкой клея.

— Ай-яй-яй! — всплеснул руками мистер Твигли, в ужасе закатив глаза. — Я снова! Опять сделал это!

— Это уже четвёртое! — весело закричали Джейн и Майкл.

«Чи-чи-четыре, чи-чи-четыре, чи-чи-четыре!» — эхом откликнулся птичий голосок. И деревянная игрушечная птичка вспорхнула с подоконника.

— Горе мне! Как же я неосторожен! Мне стыдно за себя! — Несколько мгновений мистер Твигли выглядел печальным, но вскоре его лицо снова осветилось радостью, а ножки заплясали. — Нечего плакать над упорхнувшими желаниями. Лучше подумать, как сберечь оставшиеся. Иду, моя уточка! Бегу, мой цыплёночек! — заворковал он, устремляясь туда, откуда доносилась птичья трель.

Подскочив к верстаку, он взял маленькую полированную шкатулочку, нажал на секретную пружинку. Крышка отскочила, и такая маленькая, такая яркая птичка, каких и на свете-то не бывает, выскочила из золотого гнёздышка. И чудесные трели наполнили комнату.

«Фьюить-фить-фить!» — разливалась птичка. Но вот она умолкла и снова угнездилась в шкатулочке.

— Ой, мистер Твигли, что это за птичка? — Джейн восторженно, во все глаза смотрела на волшебную шкатулочку.

— Соловей, — ответил мистер Твигли. — Я как раз работал над этой шкатулочкой, когда вы пришли. Я непременно должен её закончить сегодня вечером. Нынче самое соловьиное время.

— А вы загадайте желание! — посоветовал Майкл. — И не придётся больше работать.

— Что? Загадать желание о птичке? Ни в коем случае! Вы же видели, во что превращаются мои желания. А вдруг вместо неё появится ошипанный орёл?

— И она будет всегда петь вам? — позавидовала Джейн. Ей ужасно захотелось иметь такую птичку.

— Всегда? О нет, дорогая! Я выпущу её на волю. Не могу же я заваливать комнату уже сделанной работой. У меня немало дел кроме этой птички. Надо ещё вырезать фигурки сюда. — Он ткнул пальцем в незаконченную музыкальную шкатулку. — А потом у меня есть и новый заказ. Это будет музыкальная шкатулка, которая играет песенку «Денёчек яркий в нашем парке».

— В нашем парке? — удивились дети.

— Это будет целый оркестр! — похвастал мистер Твигли. — И в нём зазвучит «буль-буль-буль» фонтанов. «Гра-гра-гра» грачей. «Хи-хи-хи» девочек. «Ха-ха-ха» мальчиков. «Тыр-тыр-тыр» старушек-сплетниц. «Шу-шу-шу» растущих деревьев. Всё сразу!

Мистер Твигли упоённо дирижировал будущим оркестром, и глаза его сверкали за стёклами очков.

— Но разве можно услышать, как растут деревья? — засомневался Майкл. — И это вовсе не музыка!

— Ох! — поморщился мистер Твигли. — Как ты не понимаешь? Музыка во всём! Неужели вы ни разу не слы-

шали, как вертится Земля? Она жужжит и гудит, как волчок. Букингемский дворец играет «Правь, Британия». Река Темза поёт флейтой. О дорогой мой, у всего на свете есть своя музыка — у деревьев, у камней, у звёзд, у людей!

Вымолвив это, мистер Твигли взял в руки одну из шкапулок и завёл её. Тут же крохотный круг на крышке шкапулки закрутился, и зазвучала чудесная музыка.

— Эту музыку я сочинил! — с гордостью произнёс мистер Твигли, склоняя голову и прислушиваясь к тихим звукам. Потом он завёл вторую шкапулку, и новая мелодия полилась из неё.

— «Лондонский мостик»! — узнал Майкл. — Это моя любимая песенка!

— Ну, что я вам говорил? — торжествовал мистер Твигли. И он повернул ключик на третьей шкапулке.

— А это моя любимая песенка «Лимоны, апельсины»! — запрыгала от восторга Джейн.

— Ну конечно она! — просиял мистер Твигли.

Он схватил детей за руки, и они все вместе в весёлом хороводе понеслись по комнате.

— Мостик лондонский так мал!
По нему мы шли на бал,
Поплясали — он упал! —

пел Майкл.

— Апельсин да лимон,
Колокольный перезвон,
Динь-дон, динь-дон, —

напевала на свой лад Джейн.

И вместе с ними заливался счастливым дроздом старый мистер Твигли.

Ноги у детей были лёгкие, и сами они летали, как пушинки, выплясывая под любимую мелодию. Никогда ещё не было им так легко и весело.

Бум-м! — парадная дверь бухнула так, что задрожал весь дом. Мистер Твигли весь превратился в слух. Тумб-тумб! — гроыхали шаги на лестнице. И громоподобный голос разнёсся по дому. Мистер Твигли задрожал от ужаса и натянул сюртук на голову.

— Она идёт! — вскрикнул он. — Ой, беда! Пропал я! Как бы я хотел оказаться сейчас в укромном, безопасном местечке!

Тоненько пропела труба. И произошло нечто странное.

Мистер Твигли, словно подхваченный невидимой рукой, оторвался от пола. Он взлетел, со свистом пронёсся над головами детей, лёгкий, как семечко чертополоха, несомое ветром. Ещё через мгновение он, покачиваясь и дрожа, пыхтя и отдуваясь, медленно опустился на одну из своих музыкальных шкатулок. Удивительно, но она пришлась ему как раз впору. Мистер Твигли, будто игрушечная фигурка, кружился на крохотном диске, продельвая круг за кругом и победно улыбаясь.

— Я спасён! — выкрикивал он, махая детям рукой. — Теперь ей не поймать меня!

— Ура! — хотели было закричать дети, но слова застряли у них в горле. И вдруг они, помимо своей воли, взмыли под потолок.

Болтая в воздухе руками и ногами, они пронеслись по чердаку и, опустившись, угодили точно на крышки музыкальных шкатулок. Мгновение они стояли, не пони-

мая, что же произошло, а потом закрипели колёсики, закружились диски, и дети завертелись на них.

— Ой, — вскрикнула Джейн, — какой приятный сюрприз!

— Я верчусь, словно волчок! — вторил ей Майкл.

Мистер Твигли удивлённо глядел на кружащихся детей.

— Неужели это сделал я? — в восторге закричал он. — Мои желания становятся всё лучше и умнее!

— Умнее? — фыркнула Мэри Поппинс. — Смешнее! Нелепее! Вот как я это назвала бы!

— Зато спасительно! — засмеялся мистер Твигли. — И очень приятно. Почему бы и вам не попробовать, Мэри?

— Желание! Скорее загадайте желание! — попросил Майкл, вертясь как сумасшедший.

— Она в этом и не нуждается, — откликнулся мистер Твигли, кинув быстрый приглашающий взгляд на Мэри Поппинс.

— Ну, если вы настаиваете... — фыркнула она и, выпрямившись в струнку, взмыла к самым стропилам. Затем без тени улыбки точно и аккуратно опустилась на свободную музыкальную шкатулку. И в тот же миг, хотя шкатулку никто не заводил, из неё полилась весёлая мелодия:

Играл я на волынке,
Подсвистывал коровам,
А на лугу ковровом
Выплясывали свинки
С козлом в камзоле новом!

А Мэри Поппинс кружилась и кружилась на своей музыкальной шкатулке с таким невозмутимым видом, будто проделывала это каждый день.

— Теперь мы все вместе! — светясь от счастья, воскликнула Джейн. Она глянула в окно и помахала рукой Майклу, привлекая его внимание.

Там, на улице, маленькие домики тоже кружились, сорвавшись со своих фундаментов! А над ними в небе танцевали два белых облачка. Даже чердак, казалось, закружился, как диск на музыкальной шкатулке!

Но всё это кружение под чудесную мелодию не могло заглушить шум на лестнице. Тумб! Тумб! — гудели шаги снаружи.

В следующее мгновение в дверь забарабанили.

— Именем закона немедленно откройте! — потребовал грубый голос.

Сильная рука сорвала непрочный запор, и дверь с треском распахнулась. На пороге стояли миссис Кламп и полисмен. Они замерли, выпучив глаза и разинув рты от изумления.

— Что я вижу? Какой позор! — вскричала миссис Кламп. — Превратить приличный дом в парк развлечений! — Она погрозила кулаком Мэри Поппинс: — Вы получите по заслугам, милейшая! Вами займётся полиция! А что касается вас, мистер Твигли, я требую: сейчас же сойдите с этой дурацкой вертушки, пригладьте ваши вихры и наденьте шляпу! Мы идём жениться!

Мистер Твигли задрожал. Но тут же опомнился, раскинул полы своего сюртука и запел:

— Что за шум, что за гам,
Миссис Кламп?
Напугать нас не вам,
Миссис Кламп!

Он пел и продолжал кружиться. Полисмен нахмурился и вынул блокнот и карандаш.

— Стоп! — гаркнул он. — Сейчас же прекратите вертеться! У меня уже голова идёт кругом! А я должен снять с вас показания!

Мистер Твигли разразился весёлым смехом:

— Не на того напали, дорогой офицер! Никто ещё силой ничего с меня не снимал. А тем более показания!

— Но-но, со мной шутки плохи! — грозно прикрикнул полисмен. — Сейчас же слезайте, не то для вас это плохо кончится! Такого не допускается даже в частном доме!.. Эй-эй! Кто это дёргает, тянет меня? — испуганно завопил полисмен. — Немедленно отпустите! — кричал он, дрыгая ногами в воздухе и кружась под потолком.

Музыкальная шкатулка заиграла весёлую мелодию, и полисмен всей своей тяжестью рухнул на неё.

— Постой со мной, малютка, ещё одну минутку!

Влюблён я не на шутку в твою плясунью утку! —

пел тоненький голосок.

— Помогите! Помогите! Вызываю полицейский участок номер тридцать два! — Полисмен выхватил свисток и, раздувая щёки, заливисто засвистел.

— Офицер! — кричала миссис Кламп. — Выполняйте свой долг, или я и на вас найду управу! Немедленно арестуйте эту женщину! — И она ткнула толстым пальцем в сторону Мэри Поппинс. — Я упеку вас за решётку, милашка! Я вас... Ой-ой! Перестаньте меня кружить! — Глаза её сделались размером с блюдца, а всё тело затряслось, как студень.

Миссис Кламп вдруг завертелась с огромной скоростью. Для неё не осталось ни одной свободной шкатулки,

и потому она кружилась, не сходя с места. Доски пола скрипели и стонали под тяжестью этой громадины.

— Повертитесь, голубушка! — крикнул мистер Твигли.

— Что за шум, что за гам?

Завертелась миссис Кламп! —

заливался он радостным смехом.

Ужас охватил миссис Кламп. Она пыталась оторвать ноги от пола, но её тяжёлые чёрные башмаки будто приросли к доскам.

— Молодчина, Мэри! Я бы никогда до этого не додумался! — выкрикивал мистер Твигли, с восхищением глядя на Мэри Поппинс.

— Ах, это твоя выходка, вредная, бессердечная, свое нравная, испорченная девица?! — выкрикивала миссис Кламп, пытаясь дотянуться до Мэри Поппинс и схватить её. — Подожди, я рассчитаюсь с тобой, не будь я Сара Кламп!

— Зато никогда не быть ей Сарой Твигли! — восторженно кричал мистер Твигли.

— Я хочу домой! Я хочу обратно в полицейский участок! — причитал полисмен, бешено кружась на своей шкатулке.

— По-моему, вас никто и не задерживает! — фыркнула Мэри Поппинс.

Едва она произнесла эти слова, как шкатулка полисмена остановилась, и он, тяжело дыша, спрыгнул с неё.

— В участок! — восклицал он, устремляясь к двери. — К начальнику полиции! Я должен подать рапорт!

Он пулей вылетел за дверь, отчаянно дуя в свисток, и кубарем скатился с лестницы.

— Вернитесь, негодяй! — надрывалась миссис Кламп. — Убегал! — в отчаянии выкрикнула она, когда внизу оглушительно хлопнула дверь. — Ох, что мне теперь делать? — И вдруг она завопила во весь голос: — Помогите! Убивают! Гори-и-им!

Она побагровела, снова пытаясь освободиться, но тщетно. Её башмаки намертво приклеились к полу.

— Мистер Твигли! — взмолилась она. — Пожалуйста, помогите мне, сэр! Я же всегда вас вкусно кормила! Я всегда следила за чистотой и порядком в доме! Не женитесь на мне, я согласна! Только освободите меня!

— Не спешите, Фрэд! Подумайте! — предупредила Мэри Поппинс, продолжая кружиться с превеликим достоинством.

— Верно! Поспесишь — людей насмешишь. Подумаем, подумаем... — бормотал мистер Твигли.

Он уткнул палец в лоб и замер. Джейн и Майкл видели, как напряжённо он думает. Наверное, старается пожелать что-нибудь по-настоящему ПОЛЕЗНОЕ. Так протекла целая минута. Наконец мистер Твигли поднял палец вверх и захлопал в ладоши, радостно улыбаясь.

— Миссис Кламп! — весело закричал он. — Вы будете свободны! Я пожелал для вас золотой дворец и павлиний пирог на обед каждый день. Но... — подмигнул он Мэри Поппинс, — это будет особенный дворец и особенный пирог, миссис Кламп!

И барабанная дробь разнеслась по чердаку.

Миссис Кламп посмотрела на Мэри Поппинс, и на лице её расцвела торжествующая улыбка.

— Ага! — злорадно проговорила она. — Что, съела, негодница?

Но тут же её улыбка растаяла, а лицо исказилось неподдельным ужасом.

Миссис Кламп всегда была особой дородной и важной. И вдруг её огромное тело стало стремительно уменьшаться, сморщиваться, таять. Её толстые ноги, по-прежнему приклеенные к полу, прямо на глазах укорачивались и уменьшались.

— Что это? — выпалила миссис Кламп. — Что происходит? — взвизгнула она. Её солидная фигура, её ноги, её руки уменьшились уже вполовину. — Полиция! Горю! Убивают! Спасите! — верещала миссис Кламп, и чем меньше она становилась, тем тоньше и пронзительней делался её голос. — О, мистер Твигли, — пищала она, — что вы наделали? Поли-ция... поли-ци-я-я-я...

Внезапно пол под ней сердито заскрипел, вспучился, выгнулся горбом и, спружинив, легко подкинул её маленькое тельце вверх. Она с визгом пролетела по воздуху, шлёпнулась на пол как раз посредине комнаты, вскочила на ноги и, всхлипывая, понеслась прочь. Она передвигалась крохотными шажками и, пока бежала, становилась всё меньше, меньше и меньше. Сначала она стала величиной с котёнка, потом ростом с мышку. Она семенила, спотыкаясь, подпрыгивая, перебирая короткими ножками. Эту крошку несло, помимо её воли, в самый угол чердака. И, как она ни упиралась, неведомая сила мгновенно втянула её в дверь стоявшего на полу игрушечного золотого дворца.

— Ох, зачем я просила его? Что теперь будет? — попискивала миссис Кламп тонюсеньким голоском.

Дети спрыгнули со своих шкатулок и, заглянув в одно из окошечек золотого дворца, увидели, как она рухнула на стульчик у стола, где на оловянном блюде лежал игрушечный пирог из жести. Она с отвращением потыкала его пальцем, и в это мгновение дверцы дворца с треском захлопнулись.

Смолкли барабаны, оборвалась музыка, и наступила тишина.

Мистер Твигли спрыгнул со шкатулки, подбежал к золотому дворцу, поднял его на руки и, приплясывая, восторженно выкрикнул:

— Ах, какой я умница! Ну и выдумка! Поздравляю, дорогой мистер Твигли! Остаётся проделать здесь щёлочку, как в копилке, и можно показывать это чудо на ярмарке! Пенни, господа! Всего один медный пенни! И вы увидите Крошечную Толстушку, Жующую Жестяной Пирог! Всего за одну пустяковую монетку!

Мистер Твигли весело скакал по комнате, размахивая в такт игрушечным дворцом. Джейн и Майкл подбежали к нему и, дёргая его за полы сюртука, становились на цыпочки, чтобы заглянуть в дворцовое окошко. А там миссис Кламп, пыхтя и всхлипывая, пыталась разрезать жестяной пирог.

— Это ваше шестое желание, мистер Твигли! — напомнил Майкл.

— Верно! — спохватился мистер Твигли. — Зато оно оказалось ПОЛЕЗНЫМ! Да что говорить, любое желание достигнет цели, если рядом ОНА! — И он кивнул на Мэри Поппинс, которая, как всегда величественно, сходила со своей музыкальной шкатулки.

— Одевайтесь, дети! — невозмутимо скомандовала она. — Я хочу поспеть домой к чаю! Я же не верблюд и пока ещё не в пустыне!

— О, пожалуйста, Мэри Поппинс, только одну минуточку! Ведь у мистера Твигли осталось ещё одно желание! — взмолились Джейн и Майкл, хватая её за руки.

— Что же я, в самом деле? Совсем забыл! — хлопнул себя по лбу мистер Твигли. — Итак, что бы мне такое...

— Вишнёвый переулок! — подсказала Мэри Поппинс. — Ну, Фрэд, вспоминайте!

— Спасибо, что напомнили! Одну секунду! — Мистер Твигли приложил руку ко лбу, и снова зазвучала музыка.

— И какое желание вы загадали? — в один голос спросили Джейн и Майкл.

Но мистер Твигли молчал, будто и не слышал вопроса. Он махнул рукой, словно боясь спугнуть последнее желание. Казалось, он уже распрощался с гостями и только ждёт, когда они уйдут.

— Уже уходите? Какая досада! Спасибо, что пришли! Надеюсь, когда я снова запасусь желаниями, вы посетите меня, дорогая Мэри?

— А когда это произойдёт? — быстро спросил Майкл.

— Лет через девяносто, а то и побольше, — задумчиво проговорил мистер Твигли.

— Но ведь тогда мы будем совсем старенькими, — разочарованно протянула Джейн.

— Может быть, — пожал плечами мистер Твигли. — Но наверняка моложе меня!

С этими словами он расцеловал Мэри Поппинс в обе щёки и выпроводил их всех из комнаты.

Последнее, что они видели, была сияющая физиономия мистера Твигли, усевшегося выпиливать щёлочку для монет в крыше дворца миссис Клампы...

Позже, когда Джейн и Майкл вспоминали обо всём случившемся, они никак не могли припомнить, каким же образом им удалось перенестись из дома мистера Твигли в свой родной Вишнёвый переулок? Казалось, только-только они спускались по старым, скрипящим

ступенькам с чердака, а уже в следующее мгновение шагали следом за Мэри Поппинс по мерцающей светящимися окнами вечерней улице.

Джейн оглянулась, надеясь в последний раз увидеть чудесный маленький домик.

— Майкл! — испуганно прошептала она. — Он исчез! Всё исчезло!

Майкл посмотрел назад. Да, Джейн права! Ни узкой улочки, ни старинных домиков нигде не было видно. Перед ними простирался лишь сумеречный парк да хорошо знакомый изгиб Вишнёвого переулка.

— А где же мы тогда были весь день? — изумился Майкл, озираясь по сторонам.

Но для ответа на этот вопрос нужен был кто-нибудь помудрее Джейн.

— Где-то, наверное, всё-таки были, — задумчиво ответила она.

Но это Майкл и без неё знал. Он подбежал к Мэри Поппинс и принялся теребить её за полу синего пальто:

— Мэри Поппинс, где мы сегодня были? Что за странность случилась дома у мистера Твигли?

— Понятия не имею! Да и откуда мне знать? — недовольно фыркнула Мэри Поппинс. — Я вам не энциклопедия!

— Но он исчез! И улочка пропала! И музыкальной шкатулки, на которой он кружился, тоже как не бывало!

Мэри Поппинс резко остановилась и пристально посмотрела на Майкла:

— Мой кузен на музыкальной шкатулке?! Что за чепуху вы мелете, Майкл Бэнкс?

— Но ведь так и было! — воскликнули одновременно Майкл и Джейн. — Мы ВСЕ кружились на музыкальных шкатулках! Каждый под свою песенку. А вашей была:

— Играл я на волынке,
Подсвистывал коровам,
И на лугу ковровом
Выплясывали свинки
С козлом в камзоле новом!

Её глаза гневно засверкали в темноте, и дети поёжились от этого свирепого взгляда. Им даже показалось, что Мэри Поппинс стала вдвое больше ростом.

— Играть на волынке?! С коровами? — Она просто задохнулась от ярости. — На крышке музыкальной шкатулки? Я не ослышалась? Вот что я получаю за все мои старания! Вы проводите день с такими достойными людьми, как я и мой кузен, и в благодарность осыпаете нас насмешками? Танцевали, видите ли, со свинками! И вдобавок с козлом! Неслыханно! Ещё одно подобное слово, и я оставлю вас прямо сейчас, на этом самом месте! Так и знайте!.. На крышке с волынкой! Это же надо придумать! — кипела она, шагая по переулку сквозь сгущающиеся сумерки.

Цок! Цок! — ровно постукивали её каблучки по тротуару. Даже спина Мэри Поппинс выражала благородное негодование.

Джейн и Майкл семенили позади, зная, что спорить с Мэри Поппинс, когда она в такой ярости, просто бесполезно. Самое благоразумное просто помолчать. Так и тащились они за нею молча, вспоминая о том необыкновенном и удивительном, что приключилось с ними сегодня...

— О, Мэри Поппинс! — радостно воскликнула миссис Бэнкс, открывая им дверь. — Мне очень жаль, но, боюсь,

ваш кузен мне не понадобится. Я ещё раз проверила пианино. Оказалось, оно прекрасно звучит!

— Очень этому рада, мадам, — сказала Мэри Поппинс, мимоходом взглянув на себя в зеркало. — Выходит, вы ничего моему кузену не должны.

— Разумеется! — воскликнула миссис Бэнкс. — Ведь он даже не был здесь!

— Вы правы, мадам, — заметила Мэри Поппинс и, фыркнув, стала подниматься по лестнице.

Джейн и Майкл заговорщицки переглянулись.

— Наверное, это и было седьмое желание! — прошептал Майкл, Джейн понимающе кивнула.

«Фьюить-фить-фить! Ти-у! Ти-у!» — донеслись из глубины парка нежные, мелодичные и в то же время неистовые трели.

— Что это может быть? — воскликнула миссис Бэнкс, распахивая дверь и прислушиваясь. — Боже мой! Да это же соловей!

А серая, невзрачная птичка роняла звучные и трепетные мелодии, и они, нотка за ноткой, слетали с ветвей дерева, словно сладкие, спелые вишни. Соловьиные трели трепетали в вечернем воздухе и растворялись в сгустившихся сумерках.

— Как странно! — удивилась миссис Бэнкс. — Они никогда не пели в городе!

А за её спиной дети переглядывались и тайно перемигивались.

— Это соловей мистера Твигли, — шепнула Джейн.

— Он его выпустил! — едва слышно промолвил Майкл.

Они прислушивались к чудесной песне и думали о том, что мистер Твигли и всё-всё остальное было на самом

деле, и доказательством тому служила маленькая золотая птичка, которая сейчас пела в парке.

Соловей издал последнюю трель и умолк.

Миссис Бэнкс вздохнула и закрыла дверь.

— Хотела бы я всё-таки знать, откуда он взялся? — задумчиво проговорила она.

Но Джейн и Майкл уже были на полпути в детскую. Да и что бы они могли сказать? Они знали, что на свете есть вещи, которые можно объяснить, но есть и такое, чего объяснить просто невозможно. К тому же сегодня к чаю были булочки с изюмом, и Мэри Поппинс очень бы не понравилось, если бы они заставили её ждать...

Глава третья

МЯТНЫЕ ЛОШАДКИ

— О-пя-ять! — сердито выкрикивал мистер Бэнкс, нервно расшвыривая зонтики из корзины, сделанной в форме слоновьей ноги.

— Что теперь тебе не нравится, Джордж? — донёсся из кухни голос миссис Бэнкс.

— Кто-то взял мои трости! — ярился мистер Бэнкс. Он тигром метался по прихожей, заглядывая во все углы.

— Вот они, сэр! — сказала Мэри Поппинс, спускаясь из детской.

В одной руке она держала изящную тросточку чёрного дерева с серебряной рукояткой, а в другой — крепкую ясеновую трость с тяжёлым резным набалдашником. Церемонно, без лишних слов, она вручила трости мистеру Бэнксу.

— М-да! — смущённо промямлил он, принимая трости. — А что вы с ними делали, Мэри Поппинс? У вас что-то с ногами? Надеюсь, не захромали?

— Спасибо, сэр, со мной всё в порядке, — фыркнула она, всем своим видом давая понять, что мистер Бэнкс только что нанёс ей страшное оскорбление. Нет, вы толь-

ко послушайте: что-то с ногами! Да её ноги, как, впрочем, и всё остальное, и-де-аль-ны!

— Это мы! — признались Майкл и Джейн, выглядывая из-за спины Мэри Поппинс.

— Вы! Что же случилось с вашими ногами? Ударили, поранили, сломали? — с беспокойством спросил мистер Бэнкс.

— Нет, не сломали, — успокоил его Майкл. — И трости целы. Они нам служили лошадками.

Мистер Бэнкс не поверил своим ушам.

— Что-что? — возопил он. — Моя тросточка чёрного дерева, подарок дядюшки Гербера, и трость, которую я выиграл на Рождественской ярмарке, — лошадки?!

— Нам больше не на чем скакать, — проворчала Джейн.

— Как это не на чем? — выкрикнула из кухни миссис Бэнкс. — А старина Доббин, ваш любимый конь-качалка?

— Ненавижу эту старую развалину! Он скрипучий! — в сердцах топнул ногой Майкл.

— И никуда не скачет! — подхватила Джейн. — Нам нужны настоящие лошади!

— Ага! И я должен их вам предоставить? — Мистер Бэнкс в бешенстве носился из угла в угол, выкрикивая: — Еду три раза в день вам подавай! Тёплую одежду, ботинки, туфельки, носочки и тому подобную мелочь, будьте добры, выложите сейчас же! Этого мало! Теперь, видите ли, им захотелось лошадей! Нет, вы только послушайте: ло-ша-дей! А почему бы вам сразу не потребовать верблюда?

Майкл с искренним сочувствием посмотрел на отца и поспешил успокоить его.

— Нет, спасибо, папочка, верблюда не нужно. Только лошадок, — сказал он, умильно улыбаясь.

— Хорошо же, вы получите их! Когда луна посинеет! — неожиданно выпалил мистер Бэнкс.

— И когда это случится? — наивно подняла бровки Джейн.

Мистер Бэнкс ошарашенно посмотрел на неё. «Неужели у меня такие глупые дети? Не понимают фигуральных выражений!» — подумал он и бухнул:

— Раз в тысячу лет! Или раз в жизни, если повезёт! Вот так!

Он в сердцах швырнул чёрную тросточку в корзину Слоновья Нога, сунул под мышку тяжёлую ясеневую трость и вылетел на улицу.

Мэри Поппинс посмотрела ему вслед со странной улыбкой. Детям эта улыбка показалась таинственной, но спрашивать было бесполезно, и им оставалось только гадать, что бы это могло значить.

Миссис Бэнкс быстро взбежала по лестнке из кухни.

— Ох, Мэри Поппинс! — всплеснула она руками. — Вы только подумайте! Варфоломей¹, этот дворовый пёс мисс Ларк, прогрыз шину нашей коляски!

— Да, мадам, — спокойно ответила Мэри Поппинс, будто она давно предвидела эту ужасную выходку Варфоломея.

— Но как же теперь идти за покупками? — Миссис Бэнкс чуть не плакала от досады.

— Не знаю, что и сказать, мадам, — покачала головой Мэри Поппинс, показывая, что ни собаки, ни коляски её совершенно не касаются.

— Ну вот, опять таскаться по магазинам! — недовольно проворчала Джейн.

¹ Имена собак придуманы Борисом Заходером.

— От таких прогулок меня тошнит, — вторил ей Майкл. — Это мне вредно!

Миссис Бэнкс даже не взглянула в их сторону.

— Может быть, вы оставите сегодня Аннабел дома? — обратилась она к Мэри Поппинс. — Я посижу с ней, а Робертсон Эй поможет вам с покупками.

— Он спит в тачке, — сообщила Джейн.

Она после завтрака выглядывала в окно и видела, как садовник спокойно наслаждался утренним сном.

— Думаю, он быстренько проснётся, — хмыкнула Мэри Поппинс и направилась в сад.

И она была, как всегда, права. Робертсон Эй проснулся мгновенно. Мало того, когда они вышли, он уже поджидал их у ворот. Что же такое ужасно страшное сказала ему Мэри Поппинс?

— Живее, пожалуйста, не тащитесь, как черепахи! — подгоняла детей Мэри Поппинс.

Она взяла за руки Близнецов и повела за собой.

— День за днём, день за днём, всё одно и то же! — канючил Робертсон Эй. — Нет ни минуты покоя. — Он подавил зевок. Спотыкаясь и засыпая на ходу, он медленно брёл за ними.

А Мэри Поппинс шагала по Главной улице, с удовольствием поглядывая на своё отражение в чисто вымытых витринах. «Прелестна! Очаровательна! — удовлетворённо кивала она головой. — Осанка летящая, фигурка точёная, шляпка чудесная. Я хорошою от витрины к витрине!»

Первая остановка была перед магазинчиком мистера Тримплета с вывеской: «СКОБЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ И САДОВЫЙ ИНВЕНТАРЬ».

— Одну мышеловку! — потребовала Мэри Поппинс, заглядывая в список миссис Бэнкс.

Мистер Тримплет сидел за прилавком, заслонившись газетой, как щитом. Это был тощий, зато толстощёкий и румяный человек в сдвинутой на затылок шляпе.

— Только одну? — грубо переспросил мистер Тримплет, глянув на Мэри Поппинс поверх газеты. — Извините, мисс, — неприязненно сощурился он, — но из-за одной мышеловки я и не пошевелюсь.

Он уже собирался снова уткнуться в газету, когда наткнулся на взгляд Мэри Поппинс. О, это был ужасный взгляд, от которого щёки мистера Тримплета из розовых стали лиловыми.

— Я пошутил! — поспешно поправился он. — Не извольте обижаться! Я готов вам продать и полмышеловки, если пожелаете! В придачу вы получите кусочек сыра для приманки.

— Одну мясорубку! — невозмутимо продолжала перечислять Мэри Поппинс, не спуская с него свирепого взгляда.

— Я с вашего разрешения приложу к ней и фунт свежайшего мяса на счастье, — суетился продавец.

Мэри Поппинс, не обращая на него никакого внимания, продолжала:

— Полдюжины посудных ёршиков. Одну баночку пчелиного воску. Одну швабру.

— У вас, верно, большое хозяйство? — подобострастно спросил мистер Тримплет, дрожащими руками заворачивая покупки.

— Пакет гвоздей и садовые грабли, — закончила Мэри Поппинс, глядя сквозь его побагровевшее лицо, будто оно стеклянное.

— А как насчёт опилок? — спросил он. — Вон тех, что рассыпали дети?

Мэри Поппинс обернулась.

Джейн, Майкл и Близнецы удобно устроились на большом коричневом мешке. Под их тяжестью мешок лопнул, и из него струйкой высыпались на пол опилки. Глаза Мэри Поппинс гневно засверкали.

— Если вы сию же минуту не встанете... — начала она. В её голосе слышались стальные нотки, и дети мгновенно скатились с мешка, не дожидаясь окончания фразы.

Робертсон Эй, прикорнувший в пустой садовой тележке, быстро вскочил на ноги и принялся собирать свёртки.

— Мы только хотели отдохнуть... — попытался оправдаться Майкл.

— Ещё. Одно. Слово. И вам придётся весь день отдыхать в постели! Предупреждаю! — свирепо оборвала его Мэри Поппинс.

— А мои убытки? — воскликнул мистер Тримплет, с недовольным видом замечая в угол горку опилок, но, подняв глаза на Мэри Поппинс, он тут же осёкся и любезным голосом добавил: — Впрочем, для вас...

Мэри Поппинс смирила его холодным взглядом.

— У вас на носу краска, — спокойно бросила она и, высоко подняв голову, удалилась.

Она стремительно, будто ураган, неслась вверх по улице. Дети и Робертсон Эй волочились сзади, едва поспевая за ней и растянувшись длинной вереницей, словно хвост кометы.

У булочника Мэри Поппинс купила буханку хлеба, две коробки фруктовых пирожных и несколько имбирных пряников.

— Обо мне никто не подумает, — вздохнул Робертсон Эй, когда она нагрузила его до самого подбородка.

— Ну, я тут ни при чём, — хмыкнула Мэри Поппинс.

Она забежала и к зеленщику за горошком, бобами и вишнями.

— Нагрузи на верблюда лишнюю соломинку — и у него хребет переломится, — проворчал Робертсон Эй, когда Мэри Поппинс сунула ему и эти покупки.

— Но вы-то пока не верблюд, — холодно улыбнулась Мэри Поппинс, снова перечитывая список миссис Бэнкс.

Следующей оказалась лавка канцелярских товаров. Там она купила пузырёк чернил. Потом — аптека, где была приобретена пачка горчичников. Робертсон Эй прижал пакеты подбородком и устало смежил веки. Джейн и Майклу было очень жалко его, но ещё больше они жалели себя.

Наконец они добрались до конца Главной улицы. Но Мэри Поппинс и не думала останавливаться. Дети переглядывались и вздыхали тайком. Торговые ряды кончились. Впереди — ни одного магазинчика. Куда же они идут?

— Мэри Поппинс! — стонал Майкл, демонстративно прихрамывая. — Ох, Мэри Поппинс, у меня сейчас ноги отвалятся!

— Может, уже домой, Мэри Поппинс? У меня уже туфли до дыр протёрлись! — канючила Джейн.

Тут и Близнецы захныкали, заскулили, как пара замученных щенят.

Мэри Поппинс обернулась и с презрением посмотрела на них.

— Сборище плаксивых медуз — вот вы кто! Бесхребетные нытики! — презрительно фыркнула она и, затолкав в сумку список покупок, свернула за угол.

За ней тащился Робертсон Эй, увешанный пакетами, как новогодняя ёлка, а позади него шаркали ногами ворчащие дети.

— А медузы, между прочим, плавают в воде, — бормотал себе под нос Майкл. — И их никто не заставляет мотаться по магазинам. — Он так устал, что ему даже было всё равно, услышит его Мэри Поппинс или нет.

Со стороны парка налетел лёгкий ветерок. Он принёс с собой свежесть утра, запах листьев и мшистой земли и какой-то еле уловимый аромат. Что бы это могло быть? Джейн шумно вдохнула воздух, приносясь.

— Майкл! — шепнула она. — Я чувствую запах мятных леденцов!

В первое мгновение Майкл по привычке хотел высмеять её. Он никогда не позволил бы Джейн что-то увидеть или узнать первой. Недоверчиво хмыкнув, он задвигал носом, как любопытный пёсик.

— Точно! — с удивлением признал он. — Я тоже чую!

И тут они увидели большой зонт в красно-зелёную полоску. Он стоял у железной ограды парка. К прутьям ограды была прикреплена квадратная картонка, по которой тянулась надпись, сделанная большими буквами:

МИСС КАЛИКО. СЛАДОСТИ И ПРОКАТ ЛОШАДОК

Дети недоумённо таращили глаза. Никогда здесь ничего подобного не было!

А под полосатым красно-зелёным зонтом восседала крохотная старушка. Забавней, чем она, дети, пожалуй, в жизни не встречали. Поначалу они её толком и рассмотреть не могли: старушка сверкала и переливалась, как

настоящий бриллиант. Но когда они подошли поближе, то увидели маленькое сухое личико и огромную копну седых волос. А сверкание, оказывается, исходило от платья старушки. Оно от подола до воротника было сплошь увешано английскими булавками, для которых уже, кажется, и места не оставалось. Булавки и сверкали на солнце, слепя глаза. А сама старушка, усеянная булавками, очень напоминала ежа. В руке она держала хлыст. Время от времени она ловко, по-цирковому, щёлкала им, привлекая внимание прохожих.

— Мятные леденцы! Сахарные! Недорого-иго-го! — выкрикивала она тоненьким, жеребьячьим голоском, громко прищёлкивая хлыстом.

— Идём, идём к ней, Майкл! — возбуждённо говорила Джейн, забыв об усталости.

Майкл и сам ничего не имел против, а потому дал потащить себя за руку. Подойдя ближе к полосатому зонтику, дети увидели такое, что у них слюнки потекли. Рядом со старушкой стояла большая стеклянная банка, доверху набитая мятными леденцами, сделанными в форме маленьких тросточек.

— Сахар и пряности,
Пряники-сладости,
Детские радости!
Торгую товаром
Почти задаром! —

тараторила старушка, прищёлкивая хлыстом.

И тут она увидела детей и Мэри Поппинс. Глаза её засверкали, как две чёрные бусинки, и она призывно замахала крохотной, будто птичьей, лапкой.

— Мэри Поппинс, неужели? Мы не виделись целую вечность!

— Да-да, мисс Калико, — вежливо откликнулась Мэри Поппинс.

— Ну, чувствую, сейчас что-то будет! — хитро подмигнула ей мисс Калико. — Надеюсь, мы понимаем друг друга?

Она посмотрела на унылые лица детей и весело спросила:

— Эй, лягушата из ушата! Отчего носы повесили? Что потеряли?

— Настроение у них, видишь ли, пропало, — фыркнула Мэри Поппинс.

Круглые бровки мисс Калико взлетели на лоб, а булавки на платье ослепительно засверкали.

— Пропало-упало? — хихикнула она. — Не беда. Поднимем! Где оно у вас упало?

Маленькие чёрные глазки вопросительно уставились на детей, и они смущённо поёжились, чувствуя себя почему-то виноватыми.

— Я думаю, на Главной улице, — тяжело вздохнула Джейн.

— Ага! — понимающе кивнула старушка. — Когда же вы его уронили, на пути туда или сюда? И каким образом?

Майкл покраснел и стал переминаться с ноги на ногу.

— Мы не хотели ходить по магазинам и... — начал было он, но мисс Калико его перебила.

— Понимаю! Понимаю, — хихикнула она. — Ну кому охота тащиться пешком? Я бы не пошла, даже если бы мне заплатили. Посулите мне сундук драгоценных камней — и тогда с места не сдвинусь!

Майкл удивлённо захлопал глазами. Неужели это правда? Наконец-то он встретил взрослого человека, который думал так же, как и он!

— Я уж и не припомню, когда ходила пешком, — продолжала мисс Калико. — Да и не принято было это в моей семье. Что за радость топтать по земле, стирая пятки? Ноги-то свои, а не чужие! — Она щёлкнула хлыстом, яркие блики заиграли на булавках. — Запомните, — подняла она палец, — передвигаться надо только верхом! Что толку от пешей ходьбы? Разве что расти будете быстрее. Но вам-то это наверняка ни к чему, верно? Пусть другие растут. Верхом, только верхом, дорогие мои цыплятки!

— Но нам не на чем ездить! — возразила Джейн.

Она оглядывалась по сторонам, надеясь понять, на чём же ездит мисс Калико. Но, кроме слов «ПРОКАТ ЛОШАДОК», так ничего и не увидела, даже какого-нибудь завалившего ослика.

— Не на чем ездить? Ах вы, черепашки-неваляшки! Что же нам с вами делать?

В голосе мисс Калико слышались печальные нотки, но чёрные её глазки смеялись. Она подмигнула Мэри Поппинс, и та понимающе кивнула в ответ.

— Ну, ничего, бывает и хуже! — воскликнула мисс Калико, вынимая из банки пучок леденцовых тросточек с сахарными лошадиными головками. — Чем это не лошадки? Могу продать. Одна штука — за булавку.

Запах мятных леденцов разлился в воздухе. Дети принялись лихорадочно ощупывать себя, выворачивать карманы, распахивать курточки в поисках булавок. Всё напрасно! Они не нашли ни одной.

— Мэри Поппинс, — растерянно воскликнула Джейн, — у нас нет булавок!

— И не должно быть! — фыркнула Мэри Поппинс. — У детей, за которыми я присматриваю, одежда всегда в полном порядке: зачинена, заштопана, залатана. Булавки им ни к чему!

Она самодовольно хмыкнула, потом отвернула лацкан своего пальто, отшпилила несколько булавок и раздала их всем по порядку. Робертсон Эй, который давно уже дремал, прислонясь к ограде, испуганно вздрогнул и проснулся, когда Мэри Поппинс вручила ему булавку.

— Прикалывайте их поскорей! — в нетерпении закричала мисс Калико, наклоняясь к детям. — Не бойтесь меня уколоть! Я тверда, как железо!

Они стали прищипливать булавки к её платью, с трудом отыскивая свободное местечко. И мисс Калико засверкала ещё ярче.

Смеясь и толкаясь, дети схватили леденцовые палочки и принялись размахивать ими. Мятный аромат кружил им головы.

— Вот теперь я готов идти пешком! — воскликнул Майкл. И он откусил кусочек от своей бело-розовой палочки.

Тут же послышался странный звук, похожий на тоненькое жеребьячье ржание. Но Майкл громко чмокал откушенным леденцом и ничего не услышал.

— А я свою есть не стану, — сказала Джейн. — Сохраню её навсегда!

Мисс Калико бросила быстрый взгляд на Мэри Поппинс, и они обе едва заметно улыбнулись.

— Если это у тебя получится, — хихикнула мисс Калико. — Впрочем, вы можете хранить их до поры до времени.

Она протянула палочку Робертсону Эй, который старательно прикалывал булавку к её рукаву.

— А теперь, — церемонно склонила голову Мэри Поппинс, — прошу простить нас, мисс Калико, мы должны отправляться домой, чтобы поспеть к обеду.

— Нет, подождите, Мэри Поппинс! — запротестовал Майкл. — Мы же не купили тросточку для вас! — И тут ужасная мысль пронзила его: вдруг у неё больше не осталось булавок и ему придётся делиться с ней своим леденцом?

— Хм! — фыркнула Мэри Поппинс. — Я не боюсь сбить ноги, как некоторые!

— Хи-хи-хи! Ха-ха-ха! Простите, не могла удержаться от смеха! — как птичка, заливалась мисс Калико, весело поглядывая на Майкла, будто он сказал что-то совсем уж уморительное.

— Была рада повидаться, — отвесила короткий поклон Мэри Поппинс, пожимая руку мисс Калико.

— И мне было приятно, Мэри Поппинс! Вы помните, о чём я говорила? Всегда верхом! Прощайте! Прощайте! Только верхом! — заливалась мисс Калико. Казалось, она забыла, что ни у кого из них нет лошадей.

— Мятные леденцы! Из самого лучшего сахара! Дёшево! — слышали они позади тоненький, протяжный голосок.

Они свернули за угол. Вдруг леденцовая тросточка Майкла вырвалась у него из рук и стала весело скакать по тротуару.

— Джейн! — закричал он. — Смотри, что выделяет мой леденец!

Не успел он договорить, как трость поднялась в воздух и полетела низко над землёй. Майкл успел ухватиться за неё и, не отпуская, болтал в воздухе ногами.

— Держи её крепче, Майкл! — крикнула Джейн.

Но тут и её трость принялась, цокая, скакать по мостовой. Джейн вцепилась в хвост трости, и та понесла её следом за Майклом, который уже успел оседлать свою бело-розовую лошадку и скакал на ней верхом. Они перелетели через ограду парка, перескочили через густые кусты сирени. Неожиданно их обогнал Робертсон Эй, крепко обнимавший гору пакетов. Он удобно примостился на своей леденцовой трости и сладко посапывал во сне.

— Ну, кто быстрее доскачет до того дуба? — задорно крикнул Майкл и прищепил свою мятную лошадку.

— Прекратите дурачиться! — сурово прикрикнула на них Мэри Поппинс. — Майкл, не шали! Поправьте шапки и следуйте за мной!

Она оседлала свой зонтик с ручкой в виде головы попугая и, как всегда, опрятная, прямая, восседала с достоинством, как в удобном кресле-качалке. В правой руке Мэри Поппинс держала два поводка, прикрепленных к тросточкам Близнецов.

— Из лучшего сахара!.. — донёсся издалека голосок мисс Калико.

— Она уже продала, наверное, сотню мятных тросточек! — крикнул Майкл.

А небо и впрямь быстро наполнялось наездниками. Они появлялись со всех сторон, со свистом пролетая мимо.

— Вон тётушка Флосси! — закричала Джейн, указывая на пожилую даму, летящую низко над георгиновой клумбой верхом на тросточке. Её боа из петушиных перьев развевалось по воздуху, а шляпка едва держалась на макушке, вот-вот готовая улететь.

— Верно, она! — радовался Майкл. — А там мисс Ларк со своими собаками!

Над плакучими ивами пронеслась аккуратная мятная тросточка. На ней сидела, нервно озираясь вокруг, мисс Ларк. Следом за ней неслись её собаки. Варфоломей без тени испуга восседал на трости, будто на велосипеде, с наглой ухмылкой поглядывая на детей. Эдуард, наоборот, крепко зажмурился и поскуливал: у него от высоты кружилась голова.

Цок! Цок! Цок! Цок! Цок! — постукивали леденцовые копытца.

— Помогите! Убивают! Землетрясение! — раздался чей-то осипший от страха голос.

Дети обернулись и увидели мистера Тримплета, обзумевшего от бешеной скачки. С побелевшим лицом он намертво вцепился в шею своей мятной лошадки.

— Я только хотел полакомиться леденцом! — вопил он. — И посмотрите, что из этого вышло!

— Почти даром! Всего за одну булавку! — слышался слабый голосок мисс Калико.

Тем временем аллеи парка становились похожими на ипподром. Наездники неслись со всех сторон. Детям уже казалось, что мятных лошадок купили все-все их знакомые. В умело гарцующем человеке в шляпе с развевающимися перьями они узнали помощника лорда-мэра. Стороной пролетал на ярко-розовой лошадке продавец спичек. В отдалении пронёсся трубочист, увешанный своими щётками. Скакал мороженщик, с аппетитом упевавший клубничное мороженое.

В парке началась настоящая суматоха. Все толкались, налетали друг на друга, проносились под ногами или над головой. «Возьми выше! Поддай назад! Тпр-ру! Стой!» — неслось отовсюду. А трости фыркали и ржали, как настоящие лошадки.

— Держись левой стороны! Не задерживай движения! — распоряжался парковый сторож, увиливая от леденцовых копыт и ныряя между всадниками. Его мятная трость строго цокала по дорожке, будто настоящая полицейская лошадь. — Здесь нет стоянки! — хрипел сорванным голосом сторож. — Пешеходный переход! Скорость ограничена! Не более двадцати миль в час!

Он едва успел увернуться от несущейся вскачь ярко-розовой трости.

— Эй! — взъерился сторож. — Смотрите, куда едете!

На этой трости сидели в обнимку полисмен и горничная Элин. Сегодня у неё был выходной.

— Ой-ой! — взвизгивала Элин. — Мне страшно смотреть вниз! Голова кружится!

— А вы смотрите не туда, а на меня, дорогая! — отвечал полисмен, обнимая её за талию. Их трость мгновенно унеслась вдаль.

Тут и там проносились леденцовые лошадки, и их покрытые глазурью бока розовели в лучах солнца. Они летели над деревьями, мчались над домами, уплывали под облака, покачивая своих седоков на узкой спине.

А где-то вдалеке, словно эхо, слабо звучал тоненький голосок мисс Калико:

— Мятные леденцы! Почти даром! Из самого лучшего сахара!..

Голос всё удалялся и удалялся. Слов уже было не разоб-
брать. В конце концов Майклу и Джейн стало казаться,
что до них доносится лишь тоненькое жеребячье ржание,
будто и сама мисс Калико превратилась в маленькую се-
ребристую лошадку.

Они с трудом проталкивались сквозь густую толпу
всадников, скачущих на леденцовых тросточках. Встреч

ный ветерок ласково обвеивал наездников, гладил их щёки, лоб, скользил по волосам и вдруг с озорством ворошил и спутывал, превращая модные причёски в мочалки. Куда же спешили все эти всадники? Домой к обеду? А может, далеко-далеко, в неведомые уголки Вселенной?

И впереди всех, словно первопроходец, намечающий путь в сверкающую даль, скользила Мэри Поппинс. Сама элегантность, она непринуждённо восседала на зонтике, держась одной рукой за попугайную голову. Голубиное перо на её шляпе стояло ровно, не шелохнувшись, и ни одна складка на платье не шевельнулась, будто и не существовало никакого встречного ветра. Какие замечательные или строгие мысли витали в её голове? Кто знает! Но еле заметная улыбка на губах намекала на то, что она довольна не только собой, но и всем происходящим вокруг.

Вот и Вишнёвый переулок. Уже виден знакомый флюгер в виде подозрительной трубы, вертящийся над домом адмирала Бума.

— Эх, летал бы и летал без конца! — восторженно выкрикнул Майкл.

— Ну, хотя бы до конца дня! — осторожно пожелала Джейн.

— Напоминаю, что мы должны быть дома не позже часа дня! — одёрнула их Мэри Поппинс. — Не отставайте, сделайте одолжение!

И она направила нос зонтичного попугая в сторону Дома Номер Семнадцать. Дети покорно вздохнули. Ласково потрепав своих мятных лошадок по шее, они пошли на снижение.

Ровно подстриженная садовая лужайка стала медленно приближаться. Разгорячённые быстрой ездой леден-

цовые тросточки, как настоящие лошадки, вставляли на дыбы и упирались. Робертсон Эй приземлился первым. Его трость была воткнута в клумбу анютиных глазок. Робертсон Эй восторгнулся, открыл глаза, удивлённо потряс головой и протяжно зевнул. Потом собрал разлетевшиеся по земле пакеты и свёртки и заплетающимися ногами потащился к дому.

А невдалеке, у вишнёвых деревьев всё ниже и ниже опускались дети. Вот их ноги коснулись зелёной травы газона, а леденцовые тросточки послушно замерли посреди лужайки.

В этот же момент зонтик с ручкой в виде головы попугая распустил чёрные шёлковые крылья и мягко спланировал на цветочную клумбу. Мэри Поппинс грациозно ступила на землю, сложила зонтик и сунула его под мышку. Судя по её надменной походке, по изящно сидящей на голове шляпке, по аккуратно уложенным волосам и опрятной одежде, никто и предположить бы не мог, что только что эта великолепная дама носилась над парком верхом на зонтике.

— Здорово полетали! — воскликнул Майкл. — Какое счастье, что у вас оказались булавки, милая Мэри Поппинс! — Он кинулся к ней, обнял за талию и принялся скакать в порыве восторга.

— Разве это Сад Для Глупых Скачек? — подняла брови Мэри Поппинс. — Сию же минуту отпустите меня, Майкл Бэнкс!

— Теперь я всегда буду в отличном настроении! — выкрикивала Джейн. — И никто-никто на свете не назовёт меня бесхребетным нытиком!

— Очень сомнительно, — недоверчиво хмыкнула Мэри Поппинс и принялась собирать леденцовые тросточки.

— Отдайте, пожалуйста, мою! — попросил Майкл, протягивая руку к мятной лошадке.

Но она подняла пучок леденцов над головой и направилась к дому.

— Я не буду есть её, Мэри Поппинс! — канючил Майкл. — Ни кусочка не откушу!

В ответ ни звука. В полном молчании Мэри Поппинс проследовала вверх по лестнице с летающими тросточками в руке.

— Но ведь они наши! — не унимался Майкл, ища поддержки у Джейн. — Мисс Калико нам велела хранить их!

— Ничего подобного, — покачала головой Джейн. — Она сказала: «Если получится».

— Конечно получится! — настаивал Майкл. — Мы сохраним их и будем иногда кататься верхом!

Но пока тросточки преспокойно стояли в углу, и вряд ли кто-нибудь посмел бы к ним прикоснуться без разрешения Мэри Поппинс. Да и кто, рассуждали дети, может позариться на обыкновенные леденцы? Вскоре они привыкли к бело-розовым тросточкам, как к любым вещам, стоявшим в детской: шкафу, тумбочке или кроватям. А неподвижные мятные лошадки, казалось, затаились и только и ждут, когда их оседлают и они отправятся на новую прогулку...

День угас, пора было умыться и ложиться спать. По детской разливался сладкий аромат сахарных леденцов. Майкл вышел из ванной и не преминул глянуть на мятных лошадок.

— Стоят, и хоть бы что! — шепнул он Джейн. — Но мне кажется, сегодня нам спать не стоит. Вдруг ночью что-нибудь произойдёт!

Джейн кивнула. Она была уверена, что волшебные тросточки не могли так просто снова превратиться в обычные сласти.

Мэри Поппинс пожелала им спокойной ночи, погасила свет и вышла. Оставшись одни, дети затаились и, не отрываясь, поглядывали в угол, где рисовались тёмные силуэты леденцовых тросточек.

— Куда отправимся завтра? — шёпотом спросил Майкл. — Может, поскачем к тётушке Флосси и спросим, как ей понравилась вчерашняя езда? — Он широко зевнул, и правый глаз его закрылся сам собой. «Смотреть можно и одним, — подумал Майкл, — а другой пока отдохнёт».

— А я бы с удовольствием слетала в Тимбукту, — тихо проговорила Джейн. — Вот было бы отличное путешествие!

Последовала долгая пауза...

— Майкл! — окликнула его Джейн. — А ты хочешь увидеть Тимбукту?

Но Майкл не ответил. Он всего-то на секунду закрыл второй глаз и тут же уснул.

Джейн уже тоже клевала носом. Последним усилием она ещё попыталась следить за неподвижными леденцами, но голова её склонилась на подушку и закружилась в приятной дрёме.

— Тимбукту-у... — засыпая, пробормотала Джейн и погрузилась в глубокий сон...

Внизу дедушкины часы пробили десять, но Джейн ничего не слышала. Она не услышала, как Мэри Поппинс прокралась в детскую и стала раздеваться под ситцевой ночной рубашкой. Она не слышала, как мистер Бэнкс

обошёл дом и запер все двери. Наконец весь дом погрузился в сон. А Джейн снились лёгкие лошадки, которых почему-то звали так же, как и её...

— Джейн! Джейн! Джейн! — звучал в её ушах настойчивый шёпот.

Она подняла голову и убрала с глаз рассыпавшиеся волосы. Позади спокойно спавшей на своей раскладушке Мэри Поппинс сидел на краю своей кровати Майкл и тиниственно прижимал палец к губам.

— Я слышал странный шум, — прошептал он.

Джейн замерла. Да! До её ушей тоже донёсся неясный шорох. Затаив дыхание, она прислушивалась к непонятным отдалённым звукам, похожим на тихий свист.

«Фью-фью! Фью-ю-ю-ю!»

Свист приближался. Вдруг снаружи в ночной темноте послышался тоненький голосок:

— Ко мне, Сахарок! Пойдём, Быстроножка! Сюда, Леденец! Быстрее, Мятное Ушко! Пора!

И тут же в углу что-то задвигалось, зашуршало, зацокало.

Тук! Дзынь! Шур-рр!

Все четыре леденцовые трости разом поднялись в воздух и одна за другой вылетели в окно. Детей как сдуло с постели. Они на цыпочках кинулись к окну и перегнулись через подоконник. Темень — хоть глаз выколи! На небе ни одной звёздочки! Но сквозь ветви вишнёвых деревьев что-то светило, сверкало, переливалось, играло металлическим блеском.

Это была мисс Калико. В своём странном платье, утыканном булавками, будто ежиными иголками, она гарцевала в небе на мятной лошадке. Хлыст в её руке легонько пощёлкивал, а тонкие переливы свистка пронизывали ночь, словно соловьиные трели.

— Живее, коняшки-черепашки! — подгоняла мисс Калико летящие на её зов леденцовые палочки. — Плясун, неслух ты эдакий! Ко мне! — И откуда-то из подвала прилетела к ней ещё одна тросточка.

— Это, наверное, лошадка Робертсона Эй, — предположила Джейн.

— А ты куда запропастилась, Лакомка? Скачи ко мне, девочка! — Мисс Калико слегка щёлкнула хлыстиком. Тут же из окна мисс Ларк выскользнула ещё одна тросточка и принялась весело скакать вокруг мисс Калико.

— Идём, Полосатик! Скорее, Конфетка! Яблочко! Рысачок!

Со всех сторон к ней слетались леденцовые трости, и мисс Калико сверкающей звёздочкой вилась среди них.

— Перебирай копытцами, Цветочек! Не отставай, Медок! Кто скачет резвее, тот и дома скорее! — Она посвистывала, пощёлкивала хлыстом и весело смеялась, а леденцовые лошадки гурьбой устремлялись за нею.

Всё небо уже было усеяно летящими сахарными тросточками. Оно, казалось, подрагивало от их звонкого топота и радостного ржания. Вначале мятные лошадки выглядели тёмными бесцветными тенями. Но вот над парком показался краешек луны. Она просвечивала сквозь ветви деревьев, и сахарные лошадки сразу же заиграли яркими красками. Они сверкали и мерцали, их розовые копытца искрились в лунном свете.

— За мной, мои красотки! Вперёд, мои сахарные! — не унималась мисс Калико, призывая своих лошадок. Хлыст её щёлкал. Свисток нежно свиристел. И весёлый табунок цветным облачком нёсся за нею следом.

А тем временем луна взошла над деревьями парка, полная и ясная. Джейн вдруг схватила брата за руку.

— Ой, Майкл! — прошептала она. — Смотри, луна синяя!

Луна и впрямь казалась синей-синей. Она медленно плыла по небу над парком, над Вишнёвым переулком, и от её лучей всё вокруг мерцало голубоватым светом. Луна поднялась на самую середину небесного купола и, словно громадный синий ночник, висела над спящим городом.

А в её свете, будто стая летучих мышей, высоко-высоко роились около мисс Калико игривые мятные лошадки. Их силуэты вдруг чётко рисовались на фоне синего диска луны и пропадали, уносясь прочь. Звонкое щёлканье хлыста раздавалось всё тише и тише. Растаял в безмолвии ночи и тонкий голосок мисс Калико. Леденцовые лошадки пропали, словно и не было их никогда.

— Из самого лучшего сахара! — донеслось издалека слабым эхом.

Ещё несколько мгновений дети стояли у окна, прислушиваясь к тишине. Потом Майкл грустно промолвил:

— И всё-таки мы не смогли удержать их.

— Она ведь предупреждала нас, — откликнулась Джейн, вглядываясь в опустевшее небо.

Они отошли от окна и увидели, что вся комната облита синим лунным светом. Он растёкся синей лужей на полу. Он перелился через детские кроватки, добрался до раскладушки в углу и вдруг смело плеснулся на лицо спящей Мэри Поппинс. Он стёк с её щеки на шею. Но Мэри Поппинс не проснулась. Только вдруг таинственно и удовлетворённо улыбнулась, словно и во сне была необычайно довольна собой.

Дети стояли около неё, затаив дыхание и не смея шелохнуться. Они заметили эту странную улыбку и переглянулись.

— Она знает, — шепнул Майкл.

И Джейн кивнула:

— Да!

Минуту-другую они наблюдали за улыбкой спящей Мэри Поппинс, потом тоже улыбнулись друг другу и на цыпочках прокрались к своим кроваткам.

Синий лунный свет лежал и на их подушках. И стоило им закрыть глаза, как он нежно укутал их невесомой пеленой. Он слегка коснулся кончика носа Мэри Поппинс и оставил на нём голубое пятнышко. Она и тогда даже не подумала просыпаться, словно синяя луна была для неё самым обычным делом. Забавно сморщив нос, Мэри Поппинс повернулась на другой бок и натянула одеяло на голову. Вскоре в детской слышалось только ровное дыхание.

Глава четвёртая

ВЫСОКИЙ ПРИЛИВ

— И постарайся не расплескать! — строго сказала Мэри Поппинс, вручая Майклу большую чёрную бутылку.

Тот серьёзно покивал и почтительно принял бутылку в обе руки.

— Я буду очень осторожным, — пообещал он и двинулся мягким, кошачьим шагом, будто ночной воришка в чужом саду.

Сегодня утром они с Джейн и Мэри Поппинс заходили к адмиралу Буму, чтобы одолжить у него бутылку портвейна для мистера Бэнкса. Теперь она была в руках у Майкла, и он, боясь оступиться, выбирал, куда поставить ногу, словно шёл босиком по раскалённым камням. А следом за ним совершенно безответственным, можно сказать прогулочным, шагом топала Джейн с большой пятнистой раковинной, подаренной миссис Бум.

В гостях было чудесно. Адмирал сначала спел им морскую песенку:

— По морю плыл кораблик,
Качаясь на волнах,
Гудел солёный ветер
В раздутых парусах!

Потом он показал удивительный кораблик с мачтами, парусами и даже крохотными матросиками, попавший каким-то образом в бутылку с узким горлышком. А миссис Бум угостила их имбирным лимонадом и миндальными пирожными. Биннакль, отставной пират, служивший у адмирала и поваром, и слугой, позволил им полюбоваться на череп со скрещёнными костями, выколотый у него на груди.

«Да, — думал Майкл, — денёк был что надо!»

Он незаметно потряс бутылку, она тихо булькнула.

— Интересно, каков этот портвейн на вкус? — пробормотал он, вспоминая старого пирата. — Вот бы хлебнуть глоточек!

— Прибавь шагу, пожалуйста! — скомандовала Мэри Поппинс. — И не цокай ногтем по бутылке. Она не дерево, а ты не дятел!

— Как могу, так и иду, — почти неслышно буркнул себе под нос Майкл, а громче добавил: — Куда торопиться-то, Мэри Поппинс?

Он размышлял о том, как бутылка опустеет и достанется ему, и тогда можно будет собрать и как-нибудь запихнуть в неё точно такой же кораблик, как у адмирала Бума.

— Торопиться есть куда! — отрезала Мэри Поппинс. — Сегодня второй четверг месяца, мой выходной!

— О-ох! — простонал Майкл, совсем забывший, какой нынче день. — Значит, сегодня с нами будет Элин!

Он обернулся к Джейн, ища поддержки, но она его даже не слышала. Прижав к уху раковину, Джейн наслаждалась шумом морского прибоя, плескавшегося, казалось, в глубине спиральных завитков.

— Видеть не хочу Элин! — буркнул Майкл. — Она всегда хлюпает носом и косолапит.

— Как бы я хотела сейчас увидеть море! — сказала Джейн, не отрывая раковины от уха.

— Вот так у вас всегда! — раздражённо фыркнула Мэри Поппинс. — То хочу, то не хочу! Ему, видишь ли, не нужна Элин. Ей сию минуту подайте море!

— Ну, вам-то и вовсе нечего желать! — льстиво пропел Майкл, преданно глядя на Мэри Поппинс. — Вы ведь само Совершенство!

«Уж это ей наверняка понравится», — подумал он, всё ещё надеясь уговорить Мэри Поппинс остаться.

— Хм! — Она недоверчиво покосилась на Майкла, и на её щеке обозначилась едва заметная ямочка. Однако улыбка лишь на секунду задержалась в уголках губ, и лицо снова приняло суровое выражение.

— Не лукавьте, Майкл Бэнкс! — нахмурилась она и подтолкнула его к дверям дома.

Впрочем, Майкл зря придирался к Элин. Она не шаркала ногами, не косолапила, а вечный насморк объяснялся просто: у неё была особенная болезнь — сенная лихорадка. От бесконечного чихания нос её распух и покраснел.

— Ещё немного, — громко чихая, жаловалась Элин, — и у меня голова оторвётся!

«И пусть улетит подальше, а вместе с ней и сама Элин!» — от души пожелал Майкл.

— Вот бы исчезли все четверги, — мечтательно проговорил он. — Тогда у Мэри Поппинс не было бы выходных! И она всегда оставалась бы с нами.

Но, увы, каждый раз после среды непременно возникал четверг, и с этим ничего нельзя было поделать. Вот и сейчас Мэри Поппинс быстро и легко шагала по улице прочь от их дома. На ней была чёрная соломенная шляпка, украшенная на этот раз букетиком маргариток, и любимое синее пальто с серебряными пуговицами. Дети с тоской наблюдали из окна за удаляющейся Мэри Поппинс, и тайная надежда, что она передумает и вернётся, таяла с каждым её шагом. А Мэри Поппинс шагала так стремительно, будто сразу за углом ей приготовили чудесный сюрприз. Даже попугайная голова на ручке чёрного зонтика, казалось, ожила и, выпучив глаза, с нетерпением поглядывает вперёд.

— Интересно, куда она так спешит? — задумчиво произнесла Джейн.

— Эх, — вздохнул Майкл, — я бы с ней хоть куда пошёл! Ой, Элин, да перестань же ты чихать!

— У этого мальчишки вместо сердца холодная жаба, — пробубнила Элин в носовой платок. — Можно подумать, я нарочно... А-апчхи!

Она чихнула так, что задрожала мебель и попадали игрушки. О-ох! Она чихала весь день напролёт, чихала во время ужина, не переставала чихать в ванной, купая детей, чихала, укладывая их спать, продолжала чихать, выключая свет, чихала, притворяя дверь и даже спускаясь по лестнице!

— Наконец-то! Ушла! — облегчённо вздохнул Майкл. — Самое время что-нибудь придумать!

При Мэри Поппинс они и шелохнуться бы не посмели. Но Элин дети ни во что не ставили. Они её просто в расчёт не брали.

Джейн протопала к камину и взяла свою раковину.

— Оно всё шумит и плещется! — восторженно сообщила она.

— Здорово! — воскликнул Майкл, в свою очередь прикинув ухом к раковине. — Я даже слышу, как плывут рыбы!

— Не болтай глупостей! Что за чепуху ты мелешь? Никто пока ещё не слышал, как плавают рыбы.

Кто это сказал? Майкл посмотрел на Джейн. Она отрицательно помотала головой.

— Хватит тарашиться друг на друга! Ныряйте! — снова возник странный голос. Детям даже показалось, что он вылетал прямо из раковины. — Это же проще простого! Закройте глаза, задержите дыхание и — прыгайте!

— Куда прыгать? — не понял Майкл. — Головой в каминный коврик?

— Да решайтесь же наконец! Не будьте такими глупцами! — нетерпеливо подталкивал их голос. — Ныряйте, и всё тут!

— Давай попробуем, Майкл? — неуверенно предложила Джейн. — Разом. Не задумываясь. И будь что будет!

Они стали рядышком, прижавшись ушами к раковине, и, как велел голос, набрали полную грудь воздуха, зажмурились и — прыгнули. Вот странность! Они даже не почувствовали удара. Зато шум в раковине стал сильнее и ветер засвистел в ушах. Они летели вниз, будто две пикирующие ласточки. И вдруг холодные брызги ударили им в лицо, и волна накрыла их с головой.

Майкл открыл было рот и тут же стал отфыркиваться.

— Фу! — закричал он. — Да она солёная!

— А ты думал — сладкая? — хихикнул совсем рядом тот же голос.

— Где ты, Майкл? — спросила Джейн, всё ещё боясь открыть глаза.

— Здесь! — откликнулся он, нащупывая её руку.

И они, крепко сцепив пальцы, продолжали погружаться в бурлящие волны.

— Ещё самую малость, — подбадривал их голос. — Я уже вижу огни!

«Огни в воде? Быть такого не может!» — подумала Джейн и приоткрыла глаза.

Под ними, вспыхивая, искрясь и сверкая в рябой толще воды, переливались всеми цветами радуги крохотные огоньки — алые, голубые, серебристые, зелёные.

— Красота-а! — ликующе пропел голос в самое ухо Джейн. Она обернулась и ахнула.

На неё глядела в упор Морская Форель, примостившаяся на тёмно-красной ветке непонятного дерева, словно птичка.

— Это же коралл! — изумилась Джейн. — Мы на самой глубине!

— Но ты ведь хотела побывать в море? — спросила Форель.

— Ещё как! — воскликнула Джейн. — Только такого я и подумать не могла!

— Клянусь Великим Океаном! — булькнула Форель. — Какой же смысл желать впустую? Мечты должны сбываться. Но поспешим. Мы опаздываем к началу Приёма!

И прежде чем они успели спросить, что это за приём и кто их будет принимать, Форель, едва вильнув хвостом,

скользнула сквозь ветви кораллового леса и стремительно понеслась вперёд, увлекая детей за собой.

— Как здорово! — вопил Майкл, пристраиваясь в фарватер быстрой Форели.

— Бестолковые медузы! — вскрикнул кто-то, пуская бусины пузырьков. — Ну и напугали вы меня! Я думала, что это подводные охотники!

Огромная рыба метнулась в сторону, всколыхнув волосы Джейн.

— Это Пикша, — пояснила Форель. — Она такая трусиха, всего пугается! И неспроста. Сколько уже её друзей и родственников попало в сети!

Джейн вспомнила, что не раз ела пикшу на завтрак, и почувствовала себя немного виноватой.

— Мне очень жаль... — начала она, но её прервал грубый выкрик:

— Посторонись! Освободи дорогу! Не растопыривай плавники! — Толстобокая Треска оттёрла их в сторону, продолжая недовольно скрипеть: — Взбаламутили всё море! Безобразие! Из-за вас я опоздаю на Приём! — Она кинула на детей сердитый взгляд, прошипев напоследок: — Откуда вы взялись и кто такие?

Дети собрались было назваться, но Форель подплыла вплотную к Треске и неслышно пробулькала что-то.

— Ага, понятно! — раздула жабры Треска. — Надеюсь, у них найдётся пара монет, чтобы заплатить за билеты?

Джейн растерялась.

— Нет ни пенни, — сказала она, пошарив в кармане.

— Тихо-тихо! — успокоила её Форель. — Плыви, пока плывётся, и всё образуется. — Она выудила из-под правого плавника два белых кружочка, похожих на маленькие

плоские раковины. — Морские монетки. Я всегда припасаю их на всякий случай.

Вручив детям по монетке, Форель принялась ловко скользить между корявыми ветвями кораллов. Вдруг она остановилась как вкопанная.

— Ах я пустая ракушка-завитушка! — воскликнула Форель. — Вам не нужно никаких билетов! Вы же Почётные Гости! И вход для вас бесплатный.

Джейн и Майкл с удивлением переглянулись. Им ещё не приходилось быть Почётными Гостями, и они просто раздулись от гордости, почувствовав себя важными персонами.

— Для кого это вход бесплатный, хотел бы я знать? Никто не войдёт бесплатно, пока я здесь! А войдёт, так не выйдет! — прозвучал противный, скрипучий, как несмазанная дверь, голос.

Джейн и Майкл огляделись и наткнулись на холодный взгляд двух зловеще мерцающих глаз. Похожий на клюв широкий рот раздвинулся в хищной улыбке. А вокруг этого клюва шевелились, извивались, тянулись во все стороны длинные скользкие щупальца. Это был осьминог!

— У-ух! Э-эх! — проскрипел осьминог, оглядывая Майкла. — Жирненький, славненький поплавочек! Как раз то, что мне нужно на ужин! — И он протянул к нему свои щупальца. Майкл завизжал от ужаса.

— Не трогай его! — метнулась к осьминогу Форель и быстро зашептала прямо в сплетение щупалец.

— Что-что? Повтори-ка! Я глуховат. А-а-а, вот оно что! Они... ага! Заранее предупреждать надо. Ладно уж... — осьминог с сожалением убрал щупальца. — Мы всегда рады видеть... ну... всяких там ПочётныхGuestей, — проворчал он.

— Кто там трещит, болтает без умолку? Уж и на дне моря покоя нет! — раздражённо пробурчал кто-то.

Дети обернулись на этот сварливый, глухой голос, но увидели лишь маленькую кривую клешню, торчащую из витой раковины.

— Это Рак-Отшельник! — усмехнулась Форель. — Живёт один, на отшибе, только и знает, что брюзжать да злиться на всех. Слова доброго никому не скажет. Но поспешим, надо прибавить ходу. Слышите, уже и музыка заиграла.

И она стремительно понеслась вперёд, легко прорезая зелёную толщу воды. Едва они нырнули в зажатый скалами тоннель, как навстречу им поплыли нежные звуки музыки. Слабый свет замерцал в глубине тоннеля, и по мере того как они приближались к нему, музыка становилась всё громче и громче. Вдруг яркое сияние брызнуло Джейн и Майклу в глаза, потоком затопило тоннель и в первый момент совершенно ослепило их.

Наконец глаза немного попривыкли к свету, и дети стали с любопытством озираться вокруг. Перед ними растянулось морское дно, устланное ярко-зелёными морскими водорослями и так напоминающее летние лужайки парка! Во все стороны ниточками тянулись узкие тропинки, посыпанные золотистым песком и обрамлённые яркими цветами. Здесь трепетали, едва колышась от слабого течения, непонятно откуда взявшиеся пёстрые маргаритки, красные маки, фиолетовые тюльпаны, белые лилии и розы, алые и жёлтые. Прямо из песка выросли и ветвились коралловые деревья, раскидистые, словно гигантские папоротники. Тёмные скалы были усеяны большими раковинами, сверкающими перламутром. В одной из скалистых стен, самой высокой, зияла глубокая

пещера, чёрная, как небо в безлунную ночь. В самой глубине её мерцали, словно звёздочки, слабые огоньки.

Джейн и Майкл, выплыв на середину тоннеля, расширенными от изумления глазами любовались чудесной картиной.

Всё здесь было в непрестанном движении. Сквозь волнующуюся рябь морской воды казалось, что скалы наклонялись, раскачивались и даже изгибались. Маленькие рыбки, расправив прозрачные плавники, порхали, словно бабочки, между трепещущими цветами. На лентах морских водорослей, гирляндами свисавших с игольчатых ветвей кораллов, мерцали и переливались крохотные огоньки.

«Китайские фонарики!» — решила Джейн, но, взглядевшись повнимательнее, поняла, что это не огоньки, а светящиеся рыбки. Они висели на водорослях, присосавшись к ним круглыми ртами, и лучисто освещали морские лужайки.

Музыка зазвучала ещё громче. Она лилась с небольшой коралловой террасы, где несколько крабов наигрывали на скрипках. Камбала, раздувая жабры, дудела в раковину. Краснобокая Рыба-Свистулька стояла на раздвоенном хвосте и, вытянув длинное, узкое рыльце, насвистывала, словно дула в тонкую серебряную трубу. А Морской Окунь отбивал ритм на большом барабане. Между музыкантами сновали яркие морские существа. Они быстро скользили на фоне скалы, исчезали в зарослях кораллов, снова появлялись, взмывая вверх, кружась на месте и стремительно падая чуть ли не до самого дна, словно танцуя под весёлую подводную музыку. Среди рыб, посверкивая чешуйками хвоста, мелькали русалки в жемчужных ожерельях.

— Ой! — всплеснула руками Джейн.

— Ух ты! — восхищённо цокнул языком Майкл.

— Вот это да! — воскликнули они вместе.

— А вот и вы наконец! — прогудел кто-то, и к ним подплыл большой Тюлень. Гладкое, тугое тело его в пронзивших толщу воды солнечных лучах отливало бронзой. — Пospели как раз к началу Приёма-на-Лужайке! — Он обнял детей широкими лапами и, покачиваясь, поплыл между ними.

— И часто у вас случаются такие Приёмы-на-Лужайке? — спросил Майкл. Он был не прочь тоже пожить в море. Хотя бы немного.

— О нет, дорогуша! — протянул Тюлень. — Только во время Высокого Прилива... Эй, стой! Тебя приглашали? — вдруг закричал он, когда мимо них медленно проплыла огромная серая тень, заслонившая всё вокруг. — Китов пускать не велено!

— Прочь отсюда! Прочь! Уплывай! — заверещали рыбы.

Кит обиженно посмотрел по сторонам, и дети заметили, какие у него печальные глаза.

— Всякий раз одно и то же, — пожаловался он. — Они считают, что я слишком большой и слишком много ем. Но таким уж я уродился. Что же мне, утопиться? Если бы вам удалось упротить их позволить мне остаться... Так хочется повидаться с дальним родственником!

— А кто он? — спросила Джейн, но тут вмешался Тюлень.

— Не хнычь! — прикрикнул он на Кита. — Плыви отсюда! Ты помнишь, что натворил в прошлый раз? Он один слопал все бутерброды с икрой! — пояснил Тюлень, обращаясь к Джейн.

— Нет входного билета, так и проваливай! — грубо прикрикнула на Кита Рыба-Меч, стоявшая на страже. — Плавают тут всякие-разные! — проворчала она.

— Но я никогда не был на таком чудесном празднестве! — пытался умиловить её Кит.

— Без глупостей! — прикрикнул на Кита Тюлень, толкая его своим крепким боком.

Джейн стало ужасно жалко его.

«Но с другой стороны, — подумала она, — Кит и впрямь очень уже огромен и занимает слишком много места».

Кит печально вздохнул. Этот праздник, увы, был не для него. Он взмахнул мощным хвостом и, подняв громадную волну, медленно уплыл в широкую расщелину между двух скал.

А Майкл тем временем увлечённо толковал о чём-то с русалкой. Она, не прерывая разговора, нежно гладила себя розовой морской губкой, напитанной рыбьим жиром.

— Ну, всякие там юбки, блузки, туфли... — услышала Джейн слова Майкла, подплывая к ним.

Русалка повернулась к Джейн с приветливой улыбкой:

— Я спрашивала его о модах там, наверху... — И она указала рукой на поверхность моря, игравшую солнечными бликами. — Он уверяет, что там носят туфли, — недоверчиво усмехнулась русалка, помахивая чешуйчатым хвостом.

— Да, и пальто, и галоши! — добавила Джейн.

— Галоши? — недоверчиво переспросила русалка, и брови её полезли вверх.

— Ага, чтобы ноги не промокли, — пояснила Джейн.

Русалка разразилась весёлым смехом.

— Ну и дела! — заливалась она. — А мы, наоборот, любим всласть помокнуть!

Она вильнула хвостом, собираясь уже уплыть, когда её окликнули:

— Привет, Анемона!

И, огибая клумбу с лилиями, к ним подплыла большая серебристая рыба. Уставившись на детей выпученными глазами и быстро работая плавниками, рыба остановилась на месте.

— Крючок мне в глотку! — хрипло воскликнула рыба. — Кто же их выловил?

— Никто! — хихикнула русалка и быстро зашептала, прикинув к костистой голове рыбы.

— Ах вот оно что! Рад приветствовать вас в наших водах! Позвольте познакомиться. Глубоководный Лосось, Король рыб и всё такое прочее. Вы, конечно, слышали обо мне? — И он, здороваясь, протянул серебристый плавник.

Лосось так важничал и красовался, танцуя на хвосте и поворачиваясь то одним боком, то другим, что было совершенно ясно: не слышать о нём мог только самый ничтожный простак.

— Освежающие напитки! Закуски! — разносился повсюду унылый, равнодушный голос.

Между гостями медленно проплывала Щука, похожая на пожилого дворецкого. На растопыренных плавниках она несла большой поднос.

— Берите, не стесняйтесь! — обратился Лосось к Джейн. — Бутерброды с планктоном или свежая морская капуста? А может, желе из медузы? Настоящий рыбный вкус! Рекомендую. А что вам, молодой человек? — обернулся он к Майклу. — Желаете молока Морской Коровы

или пива с морской пеной? О, да вы, вероятно, никогда не пробовали настоящей крепкосолёной морской воды!

— Мне стало известно, ваше величество, что молодой человек желает попробовать портвейна, — проскрипела Щука.

— Так дайте ему портвейна! — величественно взмахнул плавником Лосось.

И он снял с подноса бокал с тёмно-красным напитком.

Майкл страшно удивился: откуда они знают о тёмной бутылке адмирала Бума? А отхлебнув немного, удивился ещё больше.

— Да это же малиновая шипучка! — радостно воскликнул он.

— И самая лучшая! — Лосось так самодовольно глянул на мальчика, будто сам и сделал этот портвейн. — А теперь могу вам предложить взглянуть на Ловлю! Желаете? Тогда поспешим, не то они всех переловят без нас.

«Интересно, кого поймали?» — размышляла Джейн, пока они неслись следом за Лососем. Вода вокруг них бурлила от множества рыб, устремившихся в ту же сторону.

— Дорогу! Смотрите, кого толкаете! — высокомерно покрикивал Лосось и с ходу врзался в стаи рыб, мельтешащих справа и слева от него. — Отвались мой хвост! Вы только посмотрите на этих наглых мальков! — Он неприязненно поглядывал на суесящихся крохотных рыбок, которые стайками назойливо лезли вперёд. — Воспитательница, уймите своих вертлявых подопечных! Превратили море в тесный садок! Засохни мои плавники!

— Что такое? — рассеянно переспросила рыба, уткнувшаяся носом в раскрытую книгу. — Эй, Непоседа и Надо-

еда! И ты, Щучий Сынок! Ведите себя прилично, не то не возьму вас на Приём!

Малыши переглянулись, приутихли и усердно заработали плавниками.

— Вот и приплыли! — радостно воскликнул Лосось, огибая ветвистое коралловое дерево.

На просторной плоской скале примостились больше-ротые, зубастые рыбы. Они замерли и неотрывно смотрели куда-то вверх. У каждой прямо на носу росла длинная удочка, от которой к поверхности воды тянулась прочная леска.

— Морские Черти! — пояснил Лосось, указывая плавником на зубастых ловцов. — Говорите тише! Они не любят, когда им мешают.

— Но... — удивлённо прошептала Джейн, — лески почему-то тянутся вверх!

Лосось изумлённо поглядел на неё.

— А куда же ещё? — удивился он. — Не вниз же! Здесь только рыбы. А вон, видите, и приманка плавает?

У самой поверхности и впрямь колыхались на конце лески прозрачные непромокаемые пакеты с фруктовыми пирогами и пирожными.

— Но кого они там ловят? — недоумевал Майкл.

— Людишек конечно! — хмыкнул Лосось. — Они обычно здорово клюют на клубничное пирожное. А сегодня клёв просто отличный! Только посмотрите, как они прыгают и дёргаются!

Он махнул хвостом в сторону большой пещеры. Дети застыли от неожиданности. Там, у входа в пещеру, стояла толпа людей! Мужчины в тёмных очках и соломенных шляпах грозили кулаками, топали ногами и возмущённо выкрикивали что-то, пуская пузыри. Три пожилых тётуш-

ки потрясали зонтиками, а одна, помоложе, в резиновых ботах, в молчаливом отчаянии заламывала руки.

— Ну и как вам это нравится? — хихикнул Лосось, поглядывая на детей, разинувших от удивления рты. — Должен заметить, выглядите все вы презабавно! Точь-в-точь как рыбы, вынутые из воды!

Люди в пещере, услышав эти слова, возмущённо зафыркали и поотворачивались от Лосося. И в этот момент откуда-то сверху раздался оглушительный крик, всколыхнувший, казалось, всё море:

— Отпустите меня! Сейчас же выньте этот проклятый крючок! Да как вы смеее так обращаться со мной?

Один из Морских Чертей, стоя на хвосте и криво усмехаясь, спокойно сматывал леску.

— Снимите меня с крючка, кому я говорю! — вопил всё тот же голос.

И, рассекая толщу воды, брыкаясь и поднимая бурю пузырьков, к подножию скалы опускалась странная фигура. На ней было надето тёплое твидовое пальто, со шляпы на лицо свисала серая вуаль, а ноги упрятаны в толстые шерстяные носки и огромные башмаки с гамашами.

Майкл так опешил, что на мгновение онемел.

— Джейн! — воскликнул он, когда голос прорезался. — Ты видишь? Мне кажется, это...

— Мисс Эндрю! — выпалила Джейн.

Они не ошиблись. Это действительно была мисс Эндрю. Откашливаясь, отфыркиваясь, вопя во всё горло, она шлёпнулась на песок. Морской Чёрт ловко выдернул крючок и подтолкнул её к пещере.

— Возмутительно! Оскорбительно! — выкрикивала она. — Поймать меня на крючок, как рыбу! Откуда мне было знать, что пирожное начинено крючком? Негодяи!

Злодеи! — Она погрозила кулаком Морским Чертям. — Я напишу в газету! Вы у меня ещё попрыгаете, как караси на сковородке!

— Нет, вы только посмотрите, какая грозная! — смеялся Лосось. — Эта не скоро утихомирится. Будет ещё долго вертеться и трястись.

Джейн в глубине души считала, что такая встряска только на пользу мисс Эндрю.

«Но как было бы ужасно, — поёжилась она, — если бы мы с Майклом попались на крючок!»

— А что Морские Черти будут делать с ними? — спросила она у Лосося.

— Да выбросят обратно, на берег! Это всего лишь спортивная ловля. Мы не едим людей.

— Эй, Лосось! Плывём дальше! — позвал Тюлень. — Мы должны успеть к прибытию мисс Великолепной! Она явится с минуты на минуту!

Джейн с немым вопросом поглядела на Майкла. Кто явится? Королева русалок? Или сама Властительница Моря?

— Клянусь жабрами! Мы и впрямь опаздываем! — встрепенулся Лосось.

Он летел, разрезая воду, сверкая в серебристых струях серебряной чешуёй. Позади него скакал, расправляя и свивая хвост, Морской Конёк. А рядом с ними, впереди и позади, в одиночку и стайками, летели разноцветные рыбки.

— Привет, Джейн и Майкл! — прозвенел тоненький голосок. — Помните меня? Я ваша золотая рыбка. Теперь я снова дома. Наилучшие пожелания вашей маме! — И Золотая Рыбка с переливчатым смехом унеслась вперёд.

Музыка зазвучала ещё громче, чем прежде. С каждой минутой толпа на лужайке становилась всё гуще. Здесь носились вверх-вниз мелкие рыбёшки, грациозно скользили русалки, ныряли, выставяя иглы, морские ежи, важно плавали тюлени.

— Ну и давка! Набились, как шпроты в банку! — пробурчал Лосось, раздражённо молотя хвостом.

— Освежающие напитки! Закуски! — трещала Щука.

— Йо-хо-хо, и бутылка рома! — отозвался знакомый голос, и рядом со Щукой вынырнул откуда-то адмирал Бум.

Он изловчился и схватил с подноса стакан, в котором, конечно же, оказался чистейший ром.

— Лопни моя селезёнка! Все на борт! Слушай мою команду! Курс на Рио-Гранде! — выкрикивал адмирал, а плывший рядом отставной пират Биннаклъ отдавал честь и старался стать в воде по стойке «смирно».

Щука с неприязнью поглядела им вслед и проворчала:

— Хулиганы — вот они кто! И во что только превратили Мировой Океан? Ай-яй-яй!

— А вот и вы, друзья мои! — воскликнул Тюлень, выныривая из толпы рыб. — Хватайтесь за мой хвост. Иначе не протолкнётесь. Позвольте проплыть, уважаемая рыба! Извините! Посторонитесь! Это Почётные Гости — Джейн и Майкл.

Рыбы, разлетаясь и освобождая дорогу, пристально разглядывали детей. Среди плеска воды, шороха ласт и хвостов слышались приветственные возгласы и удивлённый шёпот. Тюлень упорно расталкивал толпу сильными ластами и увлекал детей за собой к сверкающей жемчужными бликами скале.

— Успели как раз к Изъявлению Восторгов! — облегчённо вздохнул Тюлень. Его слова утонули в шуме и гаме толпы.

«Изумление касторкой?» — слышалось Джейн, но переспросить она не успела, потому что вдруг наступила мёртвая тишина. Стихла музыка. Умолкли разговоры. Рыбы, казалось, окаменели. Даже водоросли замерли, вытянув стебли вверх, будто солдаты в почётном карауле.

— Идёт! — шепнул Тюлень, кивая в сторону пещеры.

— Идёт! — эхом разнеслось в толпе.

Джейн и Майкл, затаив дыхание, ждали, что же произойдёт дальше. И тут из таинственной тьмы пещеры появилась сухая старческая голова. Пара выпуклых глаз сонно шурилась на яркий свет. Из темноты выдвинулись две морщинистые ноги, а за ними показался высокий купол потемневшего от времени панциря.

Дети уцепились руками за лапы Тюленя.

— Кто это? — шёпотом спросила Джейн.

Явившееся их взорам величественное существо было очень похоже на черепаху, но только уж слишком большую, просто огромную.

— Террапин, — тоже шёпотом ответил Тюлень. — Он самый древний и мудрый обитатель всех морей и океанов.

Сантиметр за сантиметром, шаг за шагом, покачиваясь на могучих ногах, Террапин медленно вполз на жемчужную скалу. Его глаза посверкивали из-под полуприкрытых век, словно две маленькие чёрные звёздочки. Он обвёл глазами притихшую толпу и, вытянув старую, морщинистую шею, высоко поднял голову.

— Друзья! — торжественно начал Террапин, и отзвук его голоса густым колокольным гулом разнёсся по морским просторам. — Приветствую вас, достойные жители

моря! Надеюсь, вы славно повеселитесь сегодня, в День Высокого Прилива! — Он втянул голову под обрез панциря, и все рыбы смиренно прижали плавники к бокам. — Это, как всегда, большое событие для нас, — продолжал Террапин, — и я искренне рад видеть всех, кто явился сюда. — Он медленно обвёл глазами переполненную лужайку и, казалось, безмолвно назвал каждого по имени. — Однако, — тяжёлые бугорки его бровей чуть поднялись, — кое-кто отсутствует!

Тюлень проскользнул к тоннелю, взгляделся в его полутьму и провозгласил:

— Она здесь, Мудрейший! Только что прибыла!

Едва он произнёс эти слова, как все ожили, зашевелились и громко захлопали плавниками. И в тот же момент, к удивлению детей, из тоннеля вынырнула такая знакомая фигура в синем пальто и соломенной шляпке, украшенной маргаритками. Изысканная, утончённая, грациозная, изящная, стройная и прямая, она под аплодисменты и приветственные крики прошествовала по усыпанной песком дорожке и остановилась перед скалой, на которой восседал Террапин.

— Добро пожаловать, Мэри Поппинс! — несло со всех сторон.

Она подняла над головой зонтик с ручкой в виде головы попугая, потрясла им в знак приветствия и сделала реверанс Террапину.

Несколько долгих мгновений он пристально, не моргая, смотрел на Мэри Поппинс, словно хотел проникнуть взглядом в самое её сердце, потом кивнул маленькой лысой головой и дружески улыбнулся.

— Дорогая моя юная родственница! — милостиво произнёс Террапин. — Несказанно рад тебе! Уже много лет

я не встречался ни с одним надводным обитателем. И не упомяну, сколько времени протекло с тех пор, как твой выходной — Второй Четверг Месяца совпадал с Высоким Приливом. От имени всех морских существ я говорю тебе: «Добро пожаловать, Мэри!» — И он протянул ей свою сухую, сморщенную лапу.

Мэри Поппинс осторожно пожала её и почтительно склонила голову. Потом два синих, как морская волна, глаза Мэри Поппинс и две чёрные звёздочки умных глаз Террапина скрестились и словно обменялись таинственно заигравшими весёлыми искорками.

— А теперь, дорогая Мэри, — снова заговорил Террапин, — позволь преподнести тебе маленький подарок, ибо ни один гость, посетивший наш праздник, не должен уйти с пустыми руками. Море одарит каждого.

Он протянул лапу в темноту пещеры позади себя и нашарил там маленькую блестящую вещицу.

— Возьми это на память о нас! Из неё выйдет отличная брошь или украшение на шляпку. — И, склонившись к Мэри Поппинс, он прицепил к лацкану её пальто морскую звезду. Она и впрямь, как звёздочка, переливалась и сверкала, будто усыпанная крохотными бриллиантами.

— О, благодарю вас! — в восторге воскликнула Мэри Поппинс. — Это именно то, о чём я давно мечтала!

Она улыбнулась Террапину, восхищённо покосилась на морскую звезду и обернулась к детям. Улыбка тотчас исчезла с её лица, сменившись недовольной гримасой.

— Тысячу раз я говорила тебе, Джейн, что пялить глаза на посторонних неприлично! Майкл, захлопни рот! Ты не треска!

— Уж это точно! — пробормотала Треска, крутившаяся позади детей.

— Ах, вот они какие, Джейн и Майкл! — вымолвил Террапин, обращая к ним свой подслеповатый взгляд. — Наконец-то я познакомился с вами, дети мои! Добро пожаловать на наш Праздник Высокого Прилива! — Он церемонно склонил голову, и дети под строгим взглядом Мэри Поппинс тоже поспешили поклониться. — Как видите, — продолжал Террапин старческим, надтреснутым голосом, — я прекрасно знаю, кто такие эти дети — Джейн и Майкл. А ведают ли они, кто я такой?

Они смущённо покачали головами. А Террапин напружинил лапы, приподнял купол своего панциря и, высившись над всеми, изрёк:

— Я — Террапин. Я старше каждого камня на Земле, каждого живого существа в море! Мой дом погружён в сумрак и тишину. Мудрость и терпение — вот мой девиз. Я умею ждать. Здесь, в моей пещере, всё зарождается и всё обретает свой конец. Мудрость и терпение, мудрость и терпение... — тянул он угасающим голосом. Потом прикрыл плоскими лапами глаза и закивал своей морщинистой головкой, словно проговаривая что-то про себя. — И больше мне нечего сказать, — встрепенувшись, продолжал Террапин. — А теперь, — торжественно взмахнул он поднятой лапой, — пусть грянет музыка! Танцуйте все! Какой танец будет первым, друзья мои?

— Тай-да-там! Да-тай-да, тай-да-там! — прогудел кто-то, будто пчела в бутылке.

— То, что нужно, дорогой мой адмирал! — весело кивнул Террапин. — Музыканты! Матросский танец «Яблочко»!

Грянул оркестр, и тотчас же всё вокруг завертелось, закружилось, понеслось в вихре по кругу. Весёлый смех, радостные крики и плеск воды смешались воедино. Начался Высокий Прилив.

...Там-там, та-дам! Да-там-там-там, та-дам!.. — Большие рыбы и мелкие рыбёшки, русалки и тюлени слились в едином хороводе.

— Та-рам-та-там!.. — лихо распевал адмирал Бум с таким счастливым видом, будто всласть налопался клубничных пирожных.

— Там-тай-да-там!.. — вторила ему миссис Бум.

— Тум-тум, ту-тум!.. — турумкал Биннаклъ, вспоминая о своих давних пиратских подвигах.

И рыбы танцевали вокруг них, мелькая плавниками.

Тюлень, сверкая бронзовыми боками, кружился на хвосте. Лосось птицей порхал над лужайками. Морские Черти выделяли немислимые фортели, помахивая своими удочками. Рыба-Меч отплясывала вместе с Рыбьей Воспитательницей, окружённой стайкой непоседливых мальков. А в стороне от этой чешуйчатой ватаги на песчаном морском дне, переступая с пятки на носок, грациозно и лихо выплясывала матросский танец Мэри Поппинс.

Дети прижались к жемчужной скале и с любопытством наблюдали за этой весёлой неразберихой.

— Что, нравится? — спросил Тетрапин. — Вот так мы крутимся и кружимся, не уставая, всю жизнь! В море умориться невозможно! — И он слегка улыбнулся, довольный своей шуткой.

Джейн кивнула.

— Я думала, в море совсем другая жизнь, — проговорила она. — А теперь вижу, что здесь так же весело, как на земле. Вот странно!

— И ничего странного в этом нет! — ответил Тетрапин, прищурившись. — Вспомни, что земля вышла из моря. Здесь всё, как на суше, только морское — Морской Лев, Морская Собака, Морская Корова, Морской Заяц, Мор-

ской Ёж, Морской Конёк и даже Морской Слон. Над Морскими Лилиями порхают Морские Бабочки. Наше дно усеяно звёздами, как небо над вами. Луна льёт на землю ночной свет, а морю она дарит приливы и отливы. — Он важно взглянул на детей. — В море, друзья мои, намного больше чудес, чем на земле. Не забывайте об этом, Джейн и Майкл! Но я вижу, что ваши ноги сами собой приплясывают. Не стесняйтесь, идите плясать!

Джейн схватила Майкла за руку, сделала на прощание вежливый реверанс Террапину, и они вдвоём закружились в бешеном танце вместе с рыбами.

О, чего только не выделявали их ноги в такт музыке! О, как легко их руки извивались в воде! Их тела, словно невесомые, свободно скользили вверх и вниз, подчиняясь отчаянному ритму матросского танца.

Там, тай-та-да-там! Та-дам-та, тай-та-та!.. — не утихала весёлая музыка.

К ним подплыла, грациозно кружась, Мэри Поппинс. Они взялись за руки и запрыгали, заскакали среди ветвей кораллового леса. Они кружились в бурлящей воде всё быстрее и быстрее, словно заведённые волчки. Всё вертелось в их глазах, превращаясь в сплошной сверкающий вихрь. Они зажмурились и буквально упали на руки Мэри Поппинс. Она крепко обняла их и увлекла туда, где море, послушное Высокому Приливу, поднималось и поднималось...

...Там-да-там, там-там-та-там... — всё тише и тише звучало и пело. — Тай-та-та, тай-та-да!..

— О, море, качай нас чуть-чуть, еле-еле, укачивай нежно в своей колыбели...

...Там-та-та-там, та-да-тай-дам!..

— О, Мэри Поппинс, качай нас, как рыбок качает, обняв, глубина, как лодочку мирно качает волна...

...Тай-да-та...

— Качайте меня... качайте меня... Держите меня крепче, Мэри Поппинс, — сонно прошептал Майкл, сжимая её ласковую руку.

Ни звука в ответ.

— Вы здесь, Мэри Поппинс? — позвал он, зевая и продолжая покачиваться на морской волне.

И снова молчание.

Не открывая глаз, он позвал ещё раз. Море, казалось, умножило его зов:

— Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! Где вы, Мэри Поппинс?

— Там, где всегда по утрам! — ответила она, сердито фыркнув.

— О, какой прекрасный танец! — пробормотал Майкл, всё ещё не в состоянии разлепить глаза. Он на ощупь протянул руку, пытаясь найти её тёплую ладонь.

Рука повисела в воздухе и вернулась. Она ощутила что-то мягкое и податливое. Подушка!

— Буду признательна, если ты встанешь и протанцуешь прочь от кровати! Уже пора завтракать! — В её голосе слышались раскаты приближающейся грозы, и Майкл мгновенно открыл глаза.

Где он? Неужели это детская? Не может быть! Но вон в углу стоит старина Доббин, их деревянный конь-качалка. Рядом — раскладушка Мэри Поппинс. На полу рассыпаны игрушки, на столе книжки, под кроватками тапочки. Всё было знакомо и привычно. И всё же чего-то не хватало.

— А куда подевалось море? — пробормотал Майкл, всё ещё не в силах окончательно стряхнуть с себя сон. — Хочу обратно в море!

Мэри Поппинс выглянула из ванной. Лицо её пылало от гнева.

— Море там, где оно было всегда! — отрезала она. — А теперь прыг-скок — и в ванну со всех ног! Там твоё море! И чтобы больше ни слова!

— Но я был в море всего минуту назад! И вы тоже, Мэри Поппинс. Мы отплясывали вместе с рыбами матросский танец!

— Вот ещё! — фыркнула она, вытряхивая банный коврик. — Делать мне больше нечего, как отплясывать всякие морские кадрили!

Майкл съёжился под её яростным взглядом, но новиться уже не мог.

— А как же быть со всеми этими морскими существами? — спросил он. — Тюлень, Лосось, чудесная старая Черепаха? Их тоже не было? Но ведь и вы, Мэри Поппинс, их видели, когда приплыли на дно моря!

— На дне моря?! Со старым Лососем? Да, странные сны у тебя, Майкл Бэнкс! Боюсь, что вчера ты объелся булочками с изюмом. Моряки, черепахи, что ты там ещё напридумал? — И она, сердито похрустывая фартуком, бормоча и пожимая плечами, удалилась из детской.

Он смотрел ей вслед и с сомнением покачивал головой. И эти сомнения росли и росли, занимая уже все его мысли. Сомневаясь, он встал с кровати. Не переставая сомневаться, он сунул ноги в тапочки. Сомнение не растаяло, и когда он взглянул на Джейн. Во всё время его разговора с Мэри Поппинс Джейн молчала. Зато сейчас она заговорщицки посмотрела на него и кивнула в сторону камина.

— Это путешествие и впрямь было похоже на сказку, — сказала она, таинственно улыбаясь, — но оно нам не приснилось!

Майкл тоже глянул на камин, и все его сомнения рассеялись окончательно, а на лице расцвела торжествующая улыбка.

На каминной полке рядом с пятнистой раковиной лежали две белые раковинки — плата за вход на морской праздник — и маленькая розовая морская звезда.

— Помнишь, что сказал Терапин? — спросила Джейн и, подражая голосу старой черепахи, просипела: — Море одарит каждого.

Майкл кивнул, внимательно разглядывая подводные монетки. В этот момент дверь распахнулась, и Мэри Поппинс, как всегда стремительно, влетела в детскую. Она взяла с полки морскую звезду и приколола её к воротничку платья. Розовая звезда сияла и переливалась, по мере того как Мэри Поппинс, любуясь ею, вертелась перед зеркалом.

Джейн и Майкл неслышно хихикали за её спиной. Они теперь ни в чём не сомневались.

— Там-та-там, да та-да-тай-та-та... — одними губами пропел Майкл.

— Там-тай-та-та да тай-да-та-та-та... — неслышно подхватила Джейн.

И они смело и даже дерзко пустились в пляс прямо за спиной Мэри Поппинс.

Прямая спина Мэри Поппинс не дрогнула, только в синих глазах её скакали весёлые звёздочки, когда она наблюдала за детьми в зеркало. А те ничего не замечали, выплясывая на цыпочках лихой матросский танец. И Мэри Поппинс обменялась со своим отражением понимающей улыбкой...

Глава пятая

ДОЛГО И СЧАСТЛИВО

Кончился последний день Старого года. Наверху, в детской, Джейн, Майкл и Близнецы участвовали в обычном вечернем представлении, известном как Раздевание-на-Ночь. Стоило посмотреть, как это проделывает с ними Мэри Поппинс! Она работала, как настоящий цирковой фокусник.

Одним махом она ловко стянула с Джона свитер. Платьице слетело с Джейн от одного её прикосновения. Носки Барбары сами скользнули ей в руки. Что касается Майкла, то ему всегда казалось, что одежки слетают с него, стоит только Мэри Поппинс взглянуть.

— А теперь ныряйте в постель! — приказала она.

Свой приказ она сопровождала таким свирепым взглядом, что дети с визгом метнулись к своим кроваткам и мгновенно исчезли под одеялами.

Мэри Поппинс стремительно двигалась по детской, складывая разбросанную одежду и убирая игрушки. Дети уютно устроились в кроватях, украдкой наблюдая за тем, как она буквально летала по комнате, расправив похрустывающие крылья своего накрахмаленного фартука. На

её щеках играл розовый румянец, синие глаза мягко светились, гордо вздёрнутый носик напоминал о совершенстве его хозяйки. Ах, как она была похожа сейчас на сидящую в углу куклу с милым фарфоровым личиком! Но мы с вами прекрасно знаем, что внешность ОБМАНЧИВА. Да и дети в этом давно убедились. И пусть другие обманывались, полагая, что Мэри Поппинс совсем обычный человек. Дети знали, что это не так. Не-ет, она не пусто-головая кукла!

Внезапно Майкла осенило.

— Мэри Поппинс! — окликнул он. — Скажите, когда точно закончится этот Старый год?

— Сегодня ночью. На последнем, двенадцатом, ударе часов, — коротко ответила она.

— А когда он начнётся? — продолжал Майкл.

— Что начнётся? — переспросила Мэри Поппинс.

— Конечно Новый год! — пояснил Майкл, удивляясь её непонятливости.

— После последнего, двенадцатого, удара часов! — терпеливо ответила она.

— А тогда что же происходит между? — не унимался Майкл.

— Между чем? Ты можешь выражаться понятнее? — сердито фыркнула Мэри Поппинс. — Не считаешь ли ты, что я Читатель Мыслей?

Майкл чуть было не сказал «да», потому что именно так и считал, но прикусил язычок, зная, что за такое ему не поздоровится.

— Между последним и первым ударами, — поспешно пояснил он.

Мэри Поппинс распрямилась и направила на него свой опасный взгляд.

— Не буди лихо, пока оно тихо! — таинственно проговорила она.

— Но я никого не собираюсь будить, Мэри Поппинс. Мне только хотелось узнать... — Он не договорил, потому что наткнулся на свирепый взгляд Мэри Поппинс.

— Замени хотение на терпение. И если я услышу от тебя ещё хоть одно словечко... — рассердилась она.

Майкл не стал дожидаться окончания угрозы и быстро нырнул под одеяло.

Мэри Поппинс удовлетворённо фыркнула и пошла вдоль кроватей, поправляя подушки, подтыкая одеяла.

— Дай-ка мне это! Спасибо, — проговорила она, вынимая голубого утёнка из-под щеки Джона.

— Нет-нет! — захныкал Джон вслед Мэри Поппинс. — Не забирайте его. Пожалуйста!

Но она уже подошла к кровати Барбары и выцарапала из её пальцев потрёпанную тряпичную обезьянку.

— Я хочу свою Пинни! — взывала Барбара, протягивая руки к любимой игрушке.

Этой лоскутной обезьянкой играла ещё миссис Бэнкс, когда была маленькой девочкой. Потом Пинни переходила от одного ребёнка к другому по очереди. И вот теперь досталась малышке Барбаре.

Мэри Поппинс не обратила никакого внимания на её вопли. Она подошла к кровати Джейн, и Альфред — серый фланелевый слон — был мгновенно выужен из-под одеяла. Джейн столбиком села на постели.

— Зачем вы забираете игрушки? — требовательно спросила она. — Почему нам нельзя спать с ними, как всегда?

Ответом ей был ледяной взгляд, брошенный через плечо. Теперь Мэри Поппинс остановилась перед кроватью Майкла.

— Поросёнка, пожалуйста! — строго скомандовала она, протянув руку за маленьким позолоченным картонным поросёнком, которого тётя Флосси подарила Майклу на Рождество.

Тогда поросёнок был наполнен шоколадками, но давно уже опустел. В том месте, где должен был быть хвостик, зияла большая чёрная дыра. Майкл когда-то выкрутил хвост, чтобы посмотреть, не завалилась ли внутри ещё одна шоколадка. С тех пор бесполезный хвостик лежал на каминной полке, а поросёнок прекрасно обходился без него.

Майкл крепко вцепился в золотого поросёнка.

— Не отдам! — храбро заявил он. — Это МОЙ поросёнок.

— Что... я... сказала? — чётко произнесла Мэри Поппинс, и взгляд её был так ужасен, что Майкл мгновенно разжал пальцы и выпустил игрушку.

— Вам-то они зачем? — жалобно спросил он.

— Не задавай глупых вопросов, ибо каков вопрос — таков ответ! — презрительно фыркнула Мэри Поппинс, расставляя игрушки на полке буфета.

Хрустнув накрахмаленным фартуком, она стремительно пересекла комнату и распахнула дверцы книжного шкафа. Дети смотрели во все глаза, как Мэри Поппинс вынула оттуда одну за другой три книжки: «Робинзон Крузо», «Зелёная волшебная книга» и «Стихи Матушки Гусыни». Потом она открыла их и положила на буфет перед четырьмя игрушечными зверями.

«Не думает же она, что звери умеют читать?» — удивилась про себя Джейн.

— А теперь все повернулись на правый бок, — не терпящим возражений тоном сказала Мэри Поппинс, — и немедленно спать!

Майкл резко поднялся и сел на постели.

— Не буду спать, — насупился он. — Хочу дожидаться Нового года! Узнаю, как он приходит.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — ядовито заметила Мэри Поппинс. — Будь добр, ложись! И чтобы больше ни слова!

Громко фыркнув, она выключила свет и закрыла за собой дверь. Раздался щелчок, мерные шаги по лестнице, и всё стихло.

— А я всё равно буду ждать! — упрямо повторил Майкл.

— И я тоже, — решительно подхватила Джейн.

А Близнецы не сказали ничего, потому что уже спали. Майкл продержался ещё десять минут, а потом его голова бессильно упала на подушку. Вскоре и Джейн качнулась, как китайский болванчик, ресницы её дрогнули, веки опустились.

Четыре стёганных пуховых одеяла легко вздымались и опускались, послушные ровному дыханию детей.

Долгое время ничто не нарушало тишины.

Динь-дон! Динь-дон! Динь-дон! — разорвал безмолвие ночи громкий звон колоколов.

Динь-дон! Бум! Бум! Бум... — послышался размеренный бой башенных часов.

Колокола гудели. Часы отбивали время. Эхо разносило их голоса по городу, множило над парком, влекло по Вишнёвому переулку от дома к дому. С севера на юг и с востока на запад неслись неумолкающие колокольные звоны. Люди высовывались из окон и трезвонили, дребезжали, блямкали кто чем может. Одни звякали обеденными ко-

локольчиками. Другие наигрывали весёлые мелодии, беспрерывно нажимая на кнопки дверных звонков. А кто-то распахивал настежь двери, и на улицу нёсся бой настенных часов.

Вдоль Вишнёвого переулка ехал мороженщик, с удовольствием бренча велосипедным звонком. В саду адмирала Бума бил басовитый корабельный колокол. А из дома мисс Ларк доносился залиvistый собачий лай. Гавканье Варфоломея, звонкое тьяканье малыша Эдуарда и тоненький перебор серебряного бубенчика, висевшего у него на шее.

Динь-дон! Дзинь-дзинь! Тья-тяв! Тик-так! Гав-гау-уу!

Казалось, весь мир гудит, звенит, бумкает и тикает. Эхо пронзало холодный воздух, дробило полночную тьму.

Внезапно все звуки оборвались. Наступила тишина. И в этом охватившем всё пространство покое ровно, торжественно и чётко зазвучал глубокий голос главных городских часов — Большого Бена по прозвищу Биг-Бен.

Бум! — сказал Биг-Бен.

И это был первый удар, возвещавший приход полночи.

В этот момент по детской пробежал лёгкий шорох. Затем послышалось цоканье копыт.

Майкл и Джейн мгновенно проснулись и сели на кроватях, испуганно хлопая глазами.

— Ой! — сказал Майкл.

— Ай! — откликнулась Джейн.

Они увидели что-то необычайное. На полу на задних ножках важно стоял Золотой Поросёнок. Тускло поблёскивали в лунном свете его передние золотые копытца.

Плюх! — бухнулся с полки слон Альфред.

Легко, будто с дерева, спрыгнула с верхней полки буфета обезьянка Пинни.

За ней слетел, порхая обтрёпанными крылышками, Голубой Утёнок.

И тут случилось самое удивительное. Заговорил Золотой Поросёнок!

— Кто-нибудь будет так любезен и приладит мне хвост? — пропищал Поросёнок.

Майкл вскочил с кровати и кинулся к камину.

— Так-то лучше! — заметил Поросёнок, покручивая хвостиком. — С самого Рождества чувствовал себя не в своей тарелке. Всё-таки поросёнок без хвоста так же нелепо, как хвост без поросёнка! А теперь, — продолжил он, обведя комнату своими крохотными глазками, — готовность номер один! За мной!

И с этим словами он, пританцовывая, поцокал к двери. За ним потянулись Альфред, Пинни и Утёнок.

— Эй, куда вы? — окликнула их Джейн.

— Увидите, — ответил Поросёнок. — Айда с нами!

Дети впопыхах накинули халаты, сунули ноги в тапочки и поспешили за игрушками. Топ-топ — вниз по лестнице. Шарк-шарк — через переднюю. Тиу-уу, — едва скрипнув, распахнулась парадная дверь, и они очутились на улице.

— Туда! — указал копытцем Поросёнок и важно зашагал вдоль Вишнёвого переулка к воротам парка.

Рядом с ним, повизгивая, бежала обезьянка Пинни. За ней шлёпал широкими лапами и солидно крякал при каждом шаге Голубой Утёнок. Замыкал шествие слон Альфред. Он неуклюже ступал по мостовой своими серыми фланелевыми пятками. Джейн и Майкл, то и дело роняя с ног тапочки, семенили позади всех.

Ворота парка, как ни странно, были распахнуты настежь. Над неподвижно застывшими деревьями висела

круглая белая луна. Лунные блики лежали на лужайках, словно серебряные блюда, приготовленные для приёма гостей. Странное дело, кругом не было ни снежинки. И вереница игрушек в мерцающем лунном свете тянулась по зеленеющим свежей травой газонам. Никто не свистел, не кричал строгим голосом: «По газонам не ходить! Траву не мять!» Парковый сторож преспокойно сидел дома, ожидая прихода Нового года.

Слон Альфред поднял вверх свой мягкий фланелевый хобот и с шумом вдохнул ночной воздух.

— Гу-гу! — прогудел он. — Вот мы и внутри! Верно, Поросяенок?

— Внутри чего? — не понял Майкл.

Но Альфред только помотал большими ушами и ничего не ответил. А Золотой Поросяенок уже манил их за собой, посверкивая золотым копытцем. Повсюду: по дорожкам парка, по лужайкам и между деревьями — мелькали, скользили, порхали и крались толпы больших и маленьких фигурок.

Три крохотные тени метнулись мимо Джейн и Майкла, щекотно ткнувшись им в ноги.

— Простите, мы вас не видели! — пропищали они.

— Три Слепых Мышонка, — представил их с улыбкой Альфред.

— Как же, как же! — обрадовалась Джейн и пропела такой знакомый стишок:

— Три слепых мышонка
Скитались до весны:
Сбежали три мышонка
От фермерской жены!

— Нет-нет, — прогудел Альфред, — сегодня они не убегают от Жены Фермера, а, наоборот, бегут на встречу с ней. Там, внутри Прорехи, — таинственно добавил слон.

А повсюду уже слышались писк, чириканье, густой бас, весёлый клёкот. Все пели, свистели, кричали наперебой.

— Эй, Альфред, ты протиснулся, толстяк?

— Ой, это же милая старушка Пинни!

— Как? И Голубой Утёнок здесь?

— Привет, Золотой Поросёнок!

Здесь все знали друг друга, все здоровались со всеми. Мимо Поросёнка промаршировал на одной ноге Оловянный Солдатик. Он чётко вскинул руку к козырьку, отдавая честь. Пинни радостно пожимала лапки двум птичкам.

— Здравствуйте, петушок Робин! Давно не виделись, крапивник Дженни, — приветливо улыбалась она.

— Их я тоже знаю, — шепнула Майклу Джейн. — Помнишь стишок из книги Матушки Гусыни?

— А как же! — откликнулся Майкл, и они пропели хором:

— Робин, Робин-петушок
И крапивник Дженни
Прилетели на лужок
Станцевать за пенни!

Прикатил на половинке яйца Пасхальный Цыплёнок.

— Молодец! Не опоздал! — крикнул Голубой Утёнок.

А слон Альфред, размахивая хоботом, кланялся во все стороны и громко гудел:

— Здравствуйте! Привет! Как поживаете?

Вдруг кто-то спросил Джейн хрипловатым голосом:
— Вы не замёрзли, юная леди? Всё-таки зима!

Джейн быстро обернулась. Позади неё стоял бородач в штанах из козьего меха, в высокой мохнатой шапке и с большим зонтом, сшитым из кроличьих хвостов. Рядом с ним маячила странная чернокожая фигура в накинутой на плечи звериной шкуре.

— Пятница, — строго приказал бородач, — будь добр, дай этой леди что-нибудь потеплее халатика.

— Слушаюсь, господин, — поклонился тот чуть ли не до земли и накинул на плечи Джейн грубо скроенный из тюленьей шкуры плащ.

— Выходит, вы и есть... — начала было Джейн.

— Вы угадали, мисс, — ответил высокий человек, отвешивая вежливый поклон. — Пожалуйста, зовите меня без церемоний, просто Робинзоном. Так делают все мои друзья. «Мистер Крузо» звучит слишком официально.

— Но я думала, что вас можно встретить только в книжке! — удивлённо сказала Джейн.

— Вы не ошиблись. Обычно так и бывает, — улыбнулся Робинзон Крузо. — Но сегодня вечером кто-то любезно оставил её раскрытой. И мне ничего не оставалось, как выйти из неё. Попросту говоря, я сбежал! — громко засмеялся он.

И Джейн вспомнила, как Мэри Поппинс, уходя, положила на буфет раскрытые книжки.

— Но ведь мы часто так оставляли свои книжки раскрытыми! Значит, каждую ночь вы гуляли по детской, пока мы спали? — спросила она.

— Нет-нет, милая леди, — покачал головой Робинзон Крузо. — Это случается только в конце года, когда образуется Прореха... Но простите, я вынужден вас оста-

вить. — И он, не договорив, кинулся навстречу странному существу.

Вновь прибывший — маленький, кругленький человечек — пробежал мимо, мелко перебирая тоненькими короткими ножками и покачивая в такт лысой яйцеподобной головой. Он взмахнул ручкой, приветствуя Робинзона Крузо, и уставился на детей выпученными глазами.

— Ой, — вскрикнул Майкл, — как же вы похожи на Шалтая-Болтая!

— Похож? — заверещал человечек тоненьким голосом. — Никто не может быть похожим на себя самого, если он не сам по себе. А уж я-то сам себе голова! Похоже, есть такие дети, которые становятся непохожими на себя, когда они НЕ слушаются, НЕ едят и глупо капризничают. Глупо быть похожим на них.

— Но... почему вы целый? — осторожно спросил Майкл. — Я думал, Шалтая-Болтая не могли собрать...

— Откуда ты это взял? — возмутился человечек.

— Из стишка, — смущённо промямлил Майкл.

— Чудесно! — с достоинством произнёс человечек. — Мою персону и положено воспевать в стихах! И что ты там вычитал?

— Будто бы... э-э-э... вся Королевская конница и... гм-м-м... вся Королевская рать... — тянул, заикаясь, Майкл.

— А, ты об этом, — поморщился Шалтай-Болтай. — Не люблю зря болтать, но тебе скажу по секрету. — Он понизил голос. — Конница да и вся Королевская рать только и понимают что в лошадях. И потом, там ведь не сказано, что никто другой этого не сумел!

Джейн и Майкл, не желая спорить, только покивали надменному Шалтаю-Болтаю.

— Признаюсь вам, — доверительно прошептал тот, — меня собрал сам Король! — Последнее слово он выкрикнул в полный голос прямо на ухо старому толстяку, который в одной руке держал корону, а в другой — блюдо с пирогом.

— Это старый дедушка Коль — весёлый Король! — догадалась Джейн.

— Так что я собрал? — спросил Король, осторожно балансируя короной и пирогом.

— Меня! — пронзительно выкрикнул Шалтай-Болтай.

— Ах да! — закивал дедушка Коль. — Стоит мне собраться с мыслями, и я соберу кого угодно, если, конечно, мне это угодно! Но учтите, я сделал это только на сегодняшнюю ночь. Ох, совсем забыл, какая нынче ночь! Пора разрезать пирог и накормить им Сорок Семь Сорок!

Он рассеянно поморгал и попытался надеть на голову пирог и отрезать кусочек от золотой короны. А Шалтай-Болтай закрутился на месте, покачиваясь с боку на бок.

— Ну, что я вам говорил-рил-рил? — пританцовывал он, поплёскивая в лунном свете яйцеподобной головой. — Кто теперь посмеет обозвать меня Выеденным Яйцом?

— Совсем заболтался! Того и гляди, взболтается! — прогудел слон Альфред. — А вы не спорьте с ним, — предупредил он детей. — Очень уж обидчив. Того и гляди, надуется да лопнет... Эй-эй! — топнул он своей толстой ногой. — Вы чуть не разодрали мне бок!

Слон покрутил хоботом, и Лев в короне, едва сидевшей на его гриве, отпрянул в сторону.

— Простите, — вежливо рыкнул он, — сегодня такая страшная давка. Каждому хочется поскорей, до послед-

него удара часов, протиснуться в Прореху. Кстати, вы не видели Единорога? А-а-а, вот ты где!

И Лев ринулся на серебристого зверя с длинным витым рогом на носу.

— Ой, остановите его! Остановите! — заволновалась Джейн. — Он собирается биться с Единорогом!

— Только не сегодня, — успокоил её Альфред. — Видишь, они уже помирились.

Джейн и Майкл с удивлением увидели, как грозный Лев снял с головы золотую корону и протянул её Единорогу.

— Твоя очередь носить её, — галантно поклонился Лев.

Они нежно обнялись и закружились в быстром танце. Вдруг Единорог отлепился ото Льва и, склонив украшенную рогом голову, вежливо обратился к маленькой старушке, тащившей огромный башмак.

— А ваши детки уже спят? — спросил он.

— Наши детки в башмаке, а башмак у нас в руке! — весело ответила старушка. — Ну а мой Джорджи Порджи совсем молодец! Он так помогает мне с моими девчонками!

— Ты слышала? — шепнул Майкл.

— Ага! — откликнулась Джейн. — Этот Джорджи Порджи живёт в книжке «Стихи Матушки Гусыни». — И она тихонько пропела:

— Джорджи Порджи целовал
Маленьких подружек,
Пирогамы угощал
И поил из кружек!

— Правильно! — обрадовалась старушка. — Он целовал их на ночь и поил кленовым сиропом! Ты лучше взгляни

на Красную Шапочку. Она обнимается с Волком и учит его не отнимать, а просить. Эй, малышка, не упали!

Она погрозила пальцем маленькой белокурой девочке, сидевшей на запятках башмака, как на облукке.

— Почему же она не боится Волка? — удивился Майкл.

— А потому, что мы как раз в Прорехе! — напомнил Альфред, подталкивая детей вперёд.

Джейн и Майкл всё оглядывались и оглядывались на старушку с башмаком и Красную Шапочку. Всё же странно, что они ни капельки не боятся Волка!

Но тут их окутала пелена молочно-белого тумана, и оттуда навстречу им вынырнула одетая в белые сверкающие одежды юная девушка. Она сладко зевала, прикрыв рот рукой.

— А вот и наша Спящая Красавица! — прогудел Альфред, нежно обвивая талию принцессы своим мягким хоботом. — Никак не можешь проснуться?

Принцесса погладила фланелевый хобот и тихо промурлыкала:

— Ах, я так крепко спала! Разбудил меня последний удар...

— Удар чего? — переспросил Майкл. — Не понимаю, что происходит? Нынче ночью всё перевернулось. Красная Шапочка не боится Волка. Лев не бьётся с Единорогом. А теперь ещё какой-то удар! Ведь Спящую Красавицу может пробудить только Принц! И то через сто лет!

— Какой непонятливый! — звонко рассмеялась принцесса. — Мы же попали в Прореху!

— Опять Прореха! — возмутился Майкл. — Кто мне объяснит, в чём дело?

— Вы попали в Прореху Времени, — пояснил Альфред. — Это промежуток между Старым годом и Новым. Старый год кончается с первым ударом курантов, а при последнем, двенадцатом, ударе рождается Новый год. Между ними, пока звучат другие десять ударов, и умещается волшебная Прореха Времени.

— И что тогда случается? — полюбопытствовала Джейн.

Спящая Красавица улыбнулась.

— Здесь все любят друг друга, — сказала она, мило зеваая. — Волк и Ягнёнок гуляют вместе. Голубка и Змея делят одно гнездо. Звёзды спускаются на землю, а злейшие враги мирятся. Восток встречается с Западом, день с ночью, и круг Времени завершается. Это единственное Время и единственное Место, где встречаются все со всеми, и все-все веселы и счастливы. Посмотрите! — И Спящая Красавица повела рукой.

Джейн и Майкл оглянулись и увидели Трёх Медведей, которые, сцепив лапы, неуклюже прыгали вокруг маленькой девочки с золотыми волосами.

— Здравствуй, Златовласка! — звонко крикнула Спящая Красавица и помахала рукой. — О, добрый вечер, Панч! Как ваше здоровье, миссис Джуди? — приветствовала она двух деревянных марионеток, гулявших под ручку.

— Это же кукольные Панч и Джуди из «Стихов Матушки Гусыни»! — узнала Джейн. — Они всегда ссорились! — И она пропела:

— Панч и Джуди
Дрались за пирог.
Выгнал Джуди
Панч за порог.

— А здесь, внутри Прорехи, это самая любящая пара на свете! — засмеялась Спящая Красавица. — Нет, вы только гляньте! — снова воскликнула она.

Мимо Майкла и Джейн семимильными шажищами прошествовал Великан. Голова его возвышалась над верхушками деревьев. На одном плече он держал огромную дубину, а на другом сидел смеющийся парнишка. Он дёргал Великана за ухо и громко хохотал.

— Это Джек — Покоритель Великанов. — Принцесса, высоко подняв голову, любовалась странной парочкой. — Сегодня ночью они с Великаном закадычные друзья! А вот и Ведьмы пожаловали!

В тёмном небе над головами детей с шумом и свистом пролетели на мётлах крючконосые старухи с развевающимися по ветру седыми космами. Под громкие приветственные крики Ведьмы спланировали вниз и сразу попали в самую гущу толпы. Их обнимали, похлопывали по плечам, пожимали руки, а некоторые даже бросались к ним с поцелуями. Ведьмы улыбались беззубыми ртами и тоненько хихикали.

— Нынешней ночью их никто не боится, а они никому не причинят зла, — с трудом стряхивая с себя набегающий сон, мягко улыбнулась Спящая Красавица.

Она обняла Майкла и Джейн, и они втроём стояли и глядели на гомонящую, смеющуюся и танцующую ночную толпу сказочных существ. Повсюду мелькали Короли и Принцессы, Чудовища и Красавицы, Солдаты и Драконы, Малыши величиной с горошину и Великаны, упиравшиеся шапками в поднебесье. Все они дружелюбно улыбались и вежливо раскланивались.

— Освободите дорогу! Разойдитесь! Посторонись! — возвысился над шумом толпы звонкий голосок.

И вдали на дорожке показался Золотой Поросёнок. Он врезался в толпу, быстро перебирая короткими ножками, — цок-цок-цок! В лунном свете посверкивали его золотые копытца. Поросёнок поднялся на задние ноги, а передними стал раздвигать густую толпу, продолжая выкрикивать:

— Проход! Освободите проход! Шевелитесь!

И толпа разделилась, будто пирог, разрезанный пополам. Все затихли и молча стояли по обеим сторонам дорожки, снимая шляпы, кланяясь, делая низкие реверансы. А посреди, высоко подняв голову, чинно шагала странно знакомая фигура в синем пальто со сверкающими серебряными пуговицами. На голове у неё красовалась шляпка с бантом. Блеск её синих глаз не мог загасить даже ночной сумрак, а точёный носик был гордо вздёрнут. Толпа взорвалась приветственными криками. В воздух полетели шляпы, шёлковые чепчики, золотые короны и драгоценные диадемы. Казалось, что сама луна ярче засияла, разгоняя ночной мрак, и расплылась в радостной улыбке.

— Но почему здесь оказалась Мэри Поппинс? — удивилась Джейн. — Ведь она не из волшебной сказки!

— Да она и есть самая настоящая сказка! — воскликнул Альфред, преданно глядя на Мэри Поппинс. — Если бы она не открыла накануне книжки, никто из нас и не появился бы здесь! Мэри Поппинс — наш Почётный Гость! — протрубил он, высоко подняв хобот.

А Мэри Поппинс чинно вышагивала по дорожке, снисходительно раскланиваясь направо и налево. Она дошла до середины лужайки и вынула из сумочки маленькую гармонику. Золотой Поросёнок тут же достал из кармана флейту и заверещал:

— Дамы и кавалеры! Становитесь в пары! Танцы начинаются!

Все засуетились, задвигались. Заиграла гармоника, переливчато запела флейта. Кот запиликал на скрипке, а Сорок Семь Сорок застрекотали, подхватив хором весёлый припев:

— Эй, дидл-дидл!
Что я видел!
Кот на скрипочке пиликал,
А корова — ну и ну! —
Перепрыгнула Луну!

Серый фланелевый слон, раздувая хобот, затрубил что есть мочи. Пританцовывая, он подошёл к Спящей Красавице, которая никак не могла унять зевоту, и церемонно склонил большую ушастую голову.

— Позвольте пригласить вас, милая юная леди, — гукнул Альфред.

Она подала ему руку, и они закружились в медленном, нежном вальсе. Слон старался не отдавить Красавице крохотную ножку, а она, склонившись к нему на плечо, сладко спала.

Маленькие девочки вели хоровод вокруг толстого, неуклюжего Джорджи Порджи и, смеясь, выкрикивали:

— Поцелуй нас, Джорджи Порджи, поцелуй!

— Посторонись! — кричала Жена Фермера, громко топая вместе с Тремя Слепыми Мышатами. А те с трудом попевали за ней, крепко ухватив друг друга за хвостики.

— И раз, и два! Прыжок! Поворот! И так, и эдак! Топ-топ-топ! — учила Волка танцевать Красная Шапочка.

Волк, бедняга, неумело петлял ногами, смущённо поглядывая по сторонам. Он выглядел таким покорным, что Майкл и Джейн просто давились от смеха.

Они стояли в сторонке и глазам своим не верили. Тут перед ними возник Робинзон Крузо с козым зонтиком под мышкой.

— Вы танцуете? — спросил он Джейн и, не дожидаясь ответа, потянул её в круг.

А к Майклу подскочил Пятница, и через мгновение они оба бойко топали ногами и подпрыгивали в бешеном дикарском танце.

— Кто это с Голубым Утёнком? — спросила Джейн.

— Не узнала? — засмеялся Робинзон Крузо. — Это же Гусь-простак! Слышишь его песенку?

Гусь широким крылом прижимал к груди Голубого Утёнка, и они, приплясывая, напевали:

— Шлёпал, шлёпал
Гусь-простак
По ступенькам
На чердак!
Делай эдак,
Делай так!

— А вон там ваша Пинни с Золушкой! — кивнул Робинзон Крузо.

Джейн быстро оглянулась. Их старая, лоскутная Пинни скользила в грациозном танце, гордая тем, что рядом с нею такая нарядная и красивая леди.

На просторной лужайке было уже тесно от танцующих пар. Здесь собрались чуть ли не все сказочные герои.

— Джейн, ты счастлива? — крикнул Майкл, галопом проносясь мимо неё.

— Да, очень! — откликнулась Джейн, уверенная, что ещё никогда ей не было так хорошо, как этой ночью.

А музыка играла всё громче, всё быстрее и уже гремела с неистовой и дикой силой, заглушая голоса, топот ног, трубный зов слона Альфреда и восторженный рёв Льва и Единорога. Безудержная мелодия реяла над деревьями, таяла в тёмном небе и, долетая до звёзд, возвращалась на землю продолжительным эхом. Мэри Поппинс, надменно оглядывая танцующих и едва касаясь клавишей, наигрывала на гармонике. Флейта Золотого Поросёнка не умолкала ни на секунду. Кот, раскачиваясь и насвистывая в такт, с превеликим рвением водил смычком по струнам скрипки. Хор из Сорока Семи Сорок трещал так, что у всех закладывало уши.

В этом громком шуме веселья почти потонул долгий гудящий звон.

— Что это? — спросила Джейн, стараясь перекричать неутихающий гомон.

— Бьют часы, — сказал Робинзон Крузо. — Это уже Шестой Удар.

Они на мгновение остановились, прислушиваясь к отдалённому звону. Биг-Бен считал Время.

Бом! СЕМЬ!

А музыка гремела, не умолкая.

Бум! ВОСЕМЬ!

А танец становился всё быстрее и быстрее.

Бам! ДЕВЯТЬ!

Теперь, казалось, и деревья пустились в пляс, помахивая длинными ветвями.

Бом-бам! ДЕСЯТЬ!

Всё смешалось. Лев и Единорог. Волк и Ягнёнок. Друг и Враг. Тьма и Свет!

Бам-бум! ОДИННАДЦАТЬ!

Ещё мгновение! Время, крылатое время, не улетай!
Как короток промежуток между Старым и Новым годом!
И всё-таки мы будем жить долго и счастливо!

Бам-бом-бум!

ДВЕНАДЦАТЬ!

Последний удар часов прозвучал в тишине. Голоса смолкли. Словно в густом тумане, тенями пронеслись мимо детей сказочные гости ночного празднества. Джек и Великан. Панч и Джуди. Шалтай-Болтай и Три Слепых Мышонка. Лев и Единорог. Златовласка и Красная Шапочка. Золушка и Ведьмы. Робинзон и Пятница. Они скользили по траве, струились по воздуху и, казалось, таяли в лунном свете.

Джейн и Майкл остались одни. Они стояли, взявшись за руки и растерянно оглядываясь.

Стихла сказочная музыка, потерялась в отчётливом звоне колоколов. Эти звоны-перезвоны неслись к ним с каждой городской башни. Гудел Биг-Бен. Откликался собор Святого Павла. Им вторили колокола церкви Святой Бригитты. Отвечал всем Вестминстер...

Но все эти густые и звучные голоса перекрывал радостный, ясный и настойчивый звон домашних часов.

Тон-тон-тон! — дружелюбно позванивали часы. — Тин-тин-тин! — настойчиво звали они, переплетаясь с чьим-то таким знакомым голосом.

— Кто хочет сдобных булочек? — громко и требовательно спросил голос.

Джейн и Майкл одновременно открыли глаза и недоумённо огляделись вокруг. Они лежали в своих кроватях под стёгаными пуховыми одеялами, а рядом с ними в сво-

их кроватках пыхтели во сне Джон и Барбара. В камине весело пылал огонь. Сквозь окно в детскую струился утренний свет. А за окном откуда-то издалека доносился серебристый звон колокольчика.

— Ещё раз спрашиваю. Кто хочет сдобных булочек? Никто меня не слышит? А разносчик булочек уже идёт по переулку!

Ошибиться было нельзя. Это голос Мэри Поппинс! И звучит он на последней нотке терпения.

— Я хочу! — поспешно откликнулся Майкл.

— Я хочу! — подхватила Джейн.

— А почему я должна повторять это дважды? — фыркнула Мэри Поппинс.

Она подошла к окну и помахала рукой разносчику булочек.

Внизу привычно заскрипела калитка. Разносчик быстро пробежал по дорожке к дому и постучал в дверь. Он прекрасно знал, что в Доме Номер Семнадцать любят свежие булочки на завтрак.

Мэри Поппинс присела у камина и подбросила в огонь поленьев.

Майкл мгновение сонно наблюдал за ней, потом помотал головой, протёр глаза и окончательно проснулся.

— Отдайте моего Поросёнка! — потребовал он. — Хочу моего Поросёнка! Где он, Мэри Поппинс?

— А я хочу Альфреда! — тут же подхватила Джейн. — И где Голубой Утёнок и Пинни?

— На буфете. Где же им ещё быть? — пожала плечами Мэри Поппинс.

Дети одновременно повернули головы к буфету. Все четыре игрушки стояли в ряд, как их и поставила вчера Мэри Поппинс. Перед ними лежали книжки: «Робинзон

Крузо», «Зелёная волшебная книга» и «Стихи Матушки Гусыни». Но книги не были раскрыты! Они лежали на полке аккуратной стопкой, одна на другой. Дети молча уставились на игрушки.

— Когда же они вернулись? — удивлённо спросил Майкл.

— И где флейта Поросёнка? — воскликнула Джейн. — А ваша гармоника, Мэри Поппинс?

Теперь удивлённые глаза сделала Мэри Поппинс.

— Моя... что? — грозно переспросила она.

— Гармоника. Вы так здорово играли на ней вчера ночью в парке!

Мэри Поппинс отошла от камина и приблизилась к Джейн, не сводя с неё гневного взгляда.

— Повтори, пожалуйста, что ты сейчас сказала! — тихим, наводящим дрожь голосом проговорила она. — Правильно ли я тебя поняла, Джейн Бэнкс? Ты утверждаешь, будто я по ночам брожу по парку, наигрывая на каких-то музыкальных инструментах?

— Да! Вы были там! — храбро настаивал Майкл. — Мы все там были. Вы, игрушки, Джейн и я! И танцевали с героями волшебных сказок в Прорехе!

Мэри Поппинс глядела на него не просто грозно или гневно. Взгляд её был устрашающим!

— Волшебные сказки в Прорехе? Хм! Это у тебя в голове прореха! А если услышу ещё хоть слово, ты у меня попляшешь в ванной за закрытой дверью! — Она сердито фыркнула и выскочила из детской.

Майкл помолчал минуту, пытаясь вспомнить всё, что с ними случилось этой ночью.

— Забавно, — заговорил он. — Мне казалось, что всё было на самом деле. Но, наверное, это всего лишь сон.

Джейн удручённо покачала головой. Но вдруг она соскочила с кровати, приставила стул к буфету, вскарабкалась на него, сгребла в охапку зверей и метнулась к Майклу.

— Потрогай их лапы! — возбуждённо зашептала Джейн.

Майкл провёл ладонью по копытцам Поросятки, пощупал серые фланелевые ноги Альфреда, тронул перепончатые лапы Утёнка и ручки Пинни.

— Они мокрые! — потрясённо выдохнул Майкл.

Джейн быстро закивала. Она плюхнулась на колени и выволокла из-под кроватей детские тапочки. Потом вытащила из коробки туфли Мэри Поппинс. Тапочки промокли насквозь от ночной росы. А к влажным подошвам туфель Мэри Поппинс прилипли свежие стебельки травы.

— Значит, это был не сон! — счастливо засмеялся Майкл.

И Джейн покивала головой, радостно улыбаясь. Они уселись на кровать Майкла, и между ними началась безмолвная тайная беседа, в которой не произносилось ни одного слова, но всё было понятно.

В детскую вошла Мэри Поппинс с тарелкой булочек. Дети испытующе посмотрели на неё, скользнув взглядом по тапочкам и туфлям. Она увидела стоявшие рядом тапочки и свои туфли и едва заметно, краешком губ, улыбнулась. И дети поняли: она знает то же, что знают они!

— Сегодня Новый год, Мэри Поппинс? — спросил Майкл.

— Да, — спокойно ответила она и поставила булочки на горячую решётку камина.

Майкл пристально посмотрел на неё, вспоминая последний, двенадцатый, удар часов.

— И мы тоже будем, Мэри Поппинс?

— Будем что? — не поняла она.

— Жить долго и счастливо! — выпалил Майкл.

— Возможно, — задумчиво проговорила она. — Всё зависит...

— От чего? — нетерпеливо перебил её Майкл.

Она улыбнулась нежно и печально.

— От вас самих! — загадочно сказала она, снимая булочки с огня.

Глава шестая

ДРУГАЯ ДВЕРЬ

Утро выдалось такое морозное, что впору было скакать вокруг Тутового Дерева, про которое в «Стихах Матушки Гусыни» поётся:

— Тутовое Дерево, согрей скорее нас,
Вокруг тебя мы скачем уже не первый час!

Вишнёвый переулок, его дома и деревья таяли в бледном сером свете, будто в тумане. Пронзительный ветер, прилетевший из парка, посвистывал в ветвях, скулил и стонал в палисадниках, жалобно завывал, проносясь по переулку.

«Бр-ррр! — дрожал всеми стёклами Дом Номер Семнадцать. — И что он только вытворяет, этот скверный нытик? Воет, причитает, бьётся в окна, будто бездомное привидение! Эй! Поворачивай отсюда!»

«Вью-ю! Вью-уу! Куда хочу, туда лечу-уу!» — не унимался Ветер.

Номер Семнадцать уже дрожал и сотрясался весь от крыши до порога.

«Несчастный я, — причитал он. — Поспать спокойно не дадут!»

Тут внутри него возник долгий скребущий звук и лёгкое погромыхивание. Это Робертсон Эй wygrебал совком золу и подкидывал в камин свежие дровишки.

«О-ох! Вот чего мне не хватало! — разнежился Дом Номер Семнадцать, когда Мэри Поппинс растопила камин в детской. — Чутьочку погреть мои старые промёрзшие косточки-досточки... Опять этот зануда Ветер! Кажется, мы от него никогда не избавимся!»

«Бу-уу! Бу-уу! Когда это бу-удет?» — захлёбывался Ветер, вороша ветви вишнёвых деревьев.

Огонь в камине уютно потрескивал, алые языки пламени плясали на дровах, их отражения плескались в оконных стёклах. Внизу застыл, опираясь на щётку, Робертсон Эй. Он славно дремал посреди утренней домашней суеты. А наверху, как обычно, быстро и ловко Мэри Поппинс одновременно перетряхивала и проветривала одежду детей и готовила им завтрак.

Джейн проснулась раньше всех, разбуженная завываниями ветра. Она взобралась на подоконник и, с наслаждением вдыхая аппетитный запах поджаренных гренков, любовалась своим отражением в оконном стекле. По ту сторону окна висела над садом точно такая же детская, только вся вылепленная из света. Один играющий языками пламени камин был здесь, за спиной Джейн, а другой холодно пылал там, за окном. Там же вскидывал голову серый в яблоках конь-качалка, словно здороваясь с настоящим, стоявшим в углу детской. И ещё одна Джейн, сидя по ту сторону окна, улыбалась и корчила гримаски. Настоящая Джейн подышала на окно и нарисовала пальчиком на затуманенном стекле круглую рожицу. И отражение сделало то же самое. А сквозь прозрачное, невесомое отражение комнаты метались голые

ветки вишнёвых деревьев и неясно белела стена дома мисс Ларк.

Громко хлопнула входная дверь. Значит, уже отправился на работу мистер Бэнкс. Миссис Бэнкс прошаркала в гостиную разбирать утреннюю почту. Внизу, на кухне, миссис Брилл наверняка уже принялась за свою любимую копчёную рыбку. Элин, как обычно, чихала и звучно сморкалась в носовой платок. А в детской весело потрескивал и выстреливал искрами огонь и лёгким похрустыванием отвечал ему накрахмаленный фартук Мэри Поппинс. В общем, если не считать разгулявшегося снаружи ветра, это было спокойное и мирное утро.

Но спокойным оно оставалось недолго. Проснулся Майкл. Он был в пижаме и сонно оглядывал детскую, будто видел всё в первый раз. Взгляд его остановился на Мэри Поппинс, скользнул по её лицу, пробежался по фигуре, опустился к ногам, снова поднялся вверх и замер.

— Ну-у! — разочарованно протянул Майкл, протирая глаза.

— И что с тобой случилось? — язвительно спросила она. — Нашёл пустой кошелёк или потерял полный?

Майкл уныло покачал головой.

— Мне приснилось, что вы превратились в Прекрасную Принцессу. А вы такая же, как всегда. Ничутьточки не изменились. Но всё равно красивая, честное слово! — на всякий случай добавил он.

Мэри Поппинс выпрямилась и вскинула подбородок.

— Красота не в словах, а в делах! — сердито фыркнула она. — А я хороша настолько, насколько мне нужно. Я вполне довольна собой, и похвалы мне не требуется, благодарю вас, Майкл Бэнкс! — надменно проговорила она, кинув быстрый взгляд в зеркало.

Но скажу вам по секрету: ни одна принцесса не отказалась бы занять такие прекрасные синие глаза, как у Мэри Поппинс.

Майкл соскочил с кровати и подбежал к ней.

— Ой, Мэри Поппинс! — воскликнул он, преданно заглядывая ей в лицо. — Я тоже очень-очень доволен вами! Только я подумал, что если бы сон оказался правдой, то вот было бы... ну... просто сказочное превращение!

— Сказочное превращение? — загадочно усмехнулась она. — Ты скоро увидишь это. Обещаю тебе, Майкл Бэнкс!

Он с недоумением и тревогой посмотрел на неё: поди догадайся, что она имела в виду!

— Я пошутил, Мэри Поппинс. Не нужно никаких превращений! Я хочу, чтобы вы были какая есть! Всегда-всегда!

Он вдруг подумал, что и видеть-то не желает никаких принцесс! Ну их, этих глупых задавак!

— Хм! — сердито хмыкнула Мэри Поппинс, выставляя на стол тарелку с гренками. — Ничего не бывает всегда, запомните это, сэр!

— Кроме вас! — выпалил он, широко улыбаясь.

Лицо Мэри Поппинс стало вдруг странно задумчивым и серьёзным. Но Майкл уже не видел этого. Он заинтересовался, чем это занимается Джейн, подбежал к ней и уселся рядышком на подоконнике. Подышав на стекло, он тоже принялся рисовать.

— Смотри! — гордо воскликнул он. — Я нарисовал корабль! А там другой Майкл рисует точно такой же!

— Угу, — откликнулась Джейн, даже не взглянув на его рисунок. Она пристально заглядывалась в своё отражение. Потом вдруг повернулась к Мэри Поппинс. — Скажите,

Мэри Поппинс, — спросила она, — где я настоящая? Там или здесь?

Держа в руках тарелку с дымящейся овсянкой, Мэри Поппинс подошла к окну. Несколько мгновений она стояла молча, только чуть поскрипывал её накрахмаленный фартук. Ни слова не говоря, она внимательно вглядывалась в своё отражение, чуть заметно улыбаясь.

— Та-ак, — медленно проговорила она. — Загадки загадываешь?

— Да нет, Мэри Поппинс! — запротестовала Джейн. — Я и впрямь хочу это знать!

Мэри Поппинс продолжала улыбаться. Дети затаили дыхание, ожидая, что вот-вот она им что-то скажет. В её глазах мелькнул таинственный огонёк, но она только потрепала Джейн по плечу и, резко вскинув голову, повернулась к столу.

— Не знаю, как ВЫ, — произнесла она, глядя на них свысока, — но Я, не извольте сомневаться, настоящая везде, где бы ни находилась! Майкл, сделай одолжение, оденься и иди завтракать. Джейн, это касается и тебя!

Стальной блеск её глаз означал, что пора прекращать болтовню и беспрекословно подчиниться.

После завтрака они сидели на полу и увлечённо строили из кубиков замок, совершенно позабыв о своих отражениях. Да если бы и вспомнили, ничего увидеть бы не смогли. Огонь в камине догорел, превратив дрова в кучку розовеющей от жара золы, и отражения в окне растаяли.

«Вот так-то лучше!» — проскрипел Дом Номер Семнадцать, перестав дрожать. Тепло проникало во все его щёлочки, он снова крепко стоял на земле и блаженно прислушивался к тому, как Мэри Поппинс деловито снуёт из комнаты в комнату.

Сегодня она казалась ещё более собранной, чем обычно. Она укладывала в шкаф вещи, перетрясала ящики, пришивала оторванные пуговицы, штопала носки. Она устелила полки чистой бумагой, отпустила подола платьев Джейн и Барбары, пришила новые тесёмки к шапкам Джона и Майкла. Она собрала старые одёжки Аннабел и связала их в узел, чтобы отдать миссис Брилл для новорождённой крошки её племянницы. Она привела в порядок посуду в буфете, прибрала игрушки и расставила книги на полках.

— Ух, как она носится! — прошептал Майкл. — Меня уже укачало от её беготни.

Но Джейн ничего на это не ответила. Она вся ушла в себя, пристально глядя на мелькающую, мельтешащую Мэри Поппинс, и пыталась ухватить неясную, ускользающую мысль, бродившую в её голове. Что это было? Воспоминание, видение или какое-то слово, вертевшееся на языке и никак не дававшееся?

Всё это утро на трубе соседнего дома сидел скворец, и его назойливая, бесконечная трескотня вызывала непонятную тревогу. Время от времени он стремительно перелетал через сад и, вертя головой, настойчиво поглядывал сквозь окно на Мэри Поппинс чёрным блестящим глазком. А ветер, тоскливо плача и завывая, кружил и кружил вокруг дома...

Незаметно подошло время обеда. А Мэри Поппинс всё ещё вихрем носилась по детской, наводя последний лоск. Она поставила в банку из-под джема букет жёлтых нарциссов, вытряхнула оконные занавески и мимоходом расставила по местам стулья. Казалось, вся детская кипит и содрогается под её руками.

— Она никогда не остановится! — буркнул Майкл, пристраивая к замку небольшой флигель.

И в тот же миг, словно услышав его слова, Мэри Поппинс остановилась как вкопанная.

— Ну вот! — удовлетворённо хмыкнула она, оглядев детскую. — Всё как с иголочки! И надеюсь, останется так надолго!

Затем она вынула из шкафа и старательно почистила щёткой своё синее пальто, подышала на серебряные пуговицы и надраила их до блеска и в довершение всего приколола к воротнику морскую звезду. Теперь настала очередь соломенной шляпки. Она сощёлкнула с неё приставшие пылинки, перебрала и выпрямила маргаритки так, что теперь они стояли ровно, как солдаты по стойке «смирно». Наконец она сняла свой белоснежный хрустящий фартук и застегнула на талии поясok из змеиной кожи. На нём крохотными буквами было выведено:

На добрую память о зоопарке.

— Вы уже столько времени не надевали его, — заметил Майкл, с интересом наблюдая за ней.

— Всему своё время! — спокойно ответила она,правляя поясok.

Она вынула из угла зонтик и натёрла ручку пчелиным воском так, что головка попугая засияла. Управившись с зонтиком, Мэри Поппинс взяла с каминной полки рулетку и сунула её в карман пальто.

Джейн быстро подняла голову. Вид оттопыренного кармана пальто почему-то вызвал неясное беспокойство.

— Зачем вы забираете рулетку, Мэри Поппинс? — насторожилась Джейн. — Она здесь никому не мешает.

Последовала короткая пауза. Казалось, Мэри Поппинс впервые затруднилась с ответом.

— На то есть свои причины! — фыркнула она наконец.

— Но она всё время лежала на камине, с тех самых пор, как вы вернулись! — не успокаивалась Джейн.

— Это вовсе не значит, что она должна быть там всегда! — отрезала Мэри Поппинс с высокомерной улыбкой. — Сегодня так, а завтра — эдак. Раз на раз не приходится.

Джейн отвернулась и попыталась вернуться к игре. Но ей почему-то было не по себе. И сердце, казалось, бьётся сильнее.

— Мне одиноко, — шепнула она Майклу, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Как это одиноко? А я на что? — удивился Майкл, старательно прилаживая последний кубик на крышу замка.

— Это не такое одиночество, когда один, — попыталась объяснить Джейн. — Мне страшно, будто я теряю что-то очень важное.

— Может быть, зуб? Эка важность! — откликнулся Майкл. — Потрогай, он качается?

Джейн помотала головой. Она чувствовала, что это был не зуб. Слишком уж просто!

— Одного кубика не хватает! — расстроился Майкл. — Какой дом без трубы?

Мэри Поппинс быстро пересекла комнату.

— Это подойдёт? — спросила она, прилаживая на крышу костяшку домино из своей неприкосновенной коробочки, стоявшей на каминной полке.

— Ура! Теперь всё закончено! — воскликнул он, с восторгом глядя снизу вверх на Мэри Поппинс, и тут с удивлением заметил, что она ставит перед ним всю коробочку с домино. Это его встревожило.

— Это мне? — недоверчиво прошептал он. — И я могу взять её себе? Насовсем?!

Ох, как он всегда хотел заполучить это домино! Но Мэри Поппинс никогда прежде не разрешала ему даже дотрагиваться до своих вещей. А сейчас... Это было так непохоже на неё! И вдруг, когда она утвердительно кивнула, Майкл, как и Джейн, ощутил себя потерянным, одиноким.

— Ой! — всхлипнул он. — Что случилось, Мэри Поппинс?

— Случилось? — Её глаза сердито засверкали. — Тебе что-то не нравится, Майкл Бэнкс? Это и есть твоя благодарность за щедрый подарок? В следующий раз я хорошенько подумаю, прежде чем что-нибудь дарить!

Он стремительно бросился к ней и схватил её руку.

— Мэри Поппинс, Мэри Поппинс! — захлёбывался Майкл. — Я не то хотел сказать! Спасибо! Спасибо! Просто мне показалось...

— А мне кажется, что ты поступаешь необдуманно! Запомни: необдуманные поступки плохо кончаются! — сердито сказала она. — А теперь быстро одевайтесь! Мы идём в парк качаться на качелях.

От её свирепого взгляда все их тревоги мгновенно улетучились. Она снова была привычно строгой и неприступной, и это успокаивало. Дети с криками, смехом и весёлыми воплями кинулись одеваться. Они толкались, возились и гурьбой вывалились из детской, разрушив на бегу замок из кубиков.

Они вприпрыжку бежали по улице. Сиявшее над парком весеннее солнце рассеяло утреннюю хмурость, и ослабевший ветерок, посвистывая, услужливо подгонял их в спину. Первые нежные листочки распустились на виш-

нёвых деревьях, и казалось, что переулок окутан зелёной дымкой. В воздухе был разлит аромат примул, а птицы распевали свои гимны наступившей весне.

— Я первый на качелях! — понёсся вперёд Майкл.

— Всем достанется! — откликнулась Джейн.

Она видела, что все пять качелей свободны. На площадке не было никого.

Через минуту Майкл, Джейн, Джон и Барбара уже сидели на качелях. На пятой воздушной скамейке устроилась Мэри Поппинс с Аннабел на коленях.

— Раз! Два! ТРИ-И! — закричал Майкл, и качели пришли в движение.

Сначала они раскачивались медленно и как бы неохотно. Но дети, разгоняясь, усердно дрыгали ногами, и качели уже вспархивали выше и выше — так, что дух захватывало! Напруженные верёвки дрожали в их руках, деревянные сиденья поскрипывали, взмывая в воздух. Дети, словно птицы, летели уже под небесами, купаясь в солнечных лучах. Вот они почти коснулись облаков, а потом понеслись вниз, чуть не шаркая подошвами по земле. Деревья, раскачиваясь, тянули к ним свои ветви. Кивали и кланялись, накреняя крыши, сорвавшиеся с места дома.

— Улетаю-у! — заливалась счастливым смехом Джейн.

А земля уже кувыркалась у неё над головой. Майкл вихрем проносился мимо, взмывая вверх, и его волосы трепетали на ветру. Близнецы попискивали, как испуганные мышки. А рядом с ними с величавым видом раскачивалась вперёд-назад Мэри Поппинс. Одной рукой она прижимала к себе Аннабел, а другой — крепко держала зонтик с ручкой в виде головы попугая. Ух! Ух! — и её соломенная шляпка взлетает выше деревьев. У-ух! — и она уже касается земли носками туфель. Её глаза странно по-

блёскивали. Они стали такими синими, будто вобрали в себя всю синеву неба. Казалось, взгляд её устремлён далеко-далеко, поверх деревьев и домов, за моря и горы, туда, где обозначена неясная граница мира.

Пятеро качелей скрипели и стонали, не желая останавливаться. Но день уже угасал, и парк постепенно тонул в сумерках. А Майкл и Джейн ничего не желали замечать. Это было похоже на сон, мерный, укачивающий, уносящий в неведомые дали. Они качались и качались, взлетая вместе с Мэри Поппинс и страстно желая, чтобы этот чудесный сон длился и длился.

Но всё когда-нибудь кончается. Солнце село, и сон развеялся. Когда последний луч скользнул по верхушкам деревьев, Мэри Поппинс упёрлась ногами в землю, и её качели замерли.

— Пора домой, — тихо промолвила Мэри Поппинс.

Голос её был не таким строгим и непреклонным, как обычно, и дети, немало этим удивлённые, покорно подчинились, не хныкая и не выпрашивая разрешения прокатиться ещё разок. Коляска привычно заскрипела и с угнездившимися в ней Аннабел и Близнецами покатила прочь из парка. Джейн и Майкл поспешали следом, умиротворённые и счастливые. А земля под ногами у них всё ещё кренилась и качалась.

Скрип-скрип, — катилась по тропинке коляска.

Хруп-хруп, — отзывался песок под туфельками Мэри Поппинс.

Майкл следил за последними лучами заходящего солнца, скользившими по нежно-зелёным листочкам вишнёвых деревьев.

— Вот бы появилась здесь Нелли-Пелли! — мечтательно проговорил он, обращаясь к Джейн.

— А я тут как тут! — раздался звонкий голосок.

Они обернулись и увидели круглую Нелли-Пелли, которая быстро катилась на своей плоской деревянной, как у шахматной фигурки, подставке. За ней, тоже на подставке, ковылял старый дядюшка Доджер.

— Совсем я закрутилась! — воскликнула Нелли-Пелли. — Ищу, ищу вас повсюду! — пыхтела она. — Как идут дела? Надеюсь, всё лучше и лучше? Я хотела повидать вас, дорогая Мэри Поппинс, прежде чем вы...

— И пожелать вам счастливого... — перебил её дядюшка Доджер.

— Дядюшка Доджер! — оборвала его Нелли-Пелли, предупредительно погрозив пальцем.

— О, простите меня, дорогая! Премного извиняюсь! — быстро забормотал старый джентльмен.

— Вот небольшой подарочек на память, — продолжала как ни в чём не бывало Нелли-Пелли. Улыбка пробежала по её деревянному личику, и, протянув свою деревянную руку, она вручила Мэри Поппинс какую-то длинную вещицу в белой обёртке.

Дети вытянули шеи, пытаясь разглядеть подарок.

— Это же разговорная конфета! — догадался Майкл.

Джейн с трудом разглядела в угасающем свете мелкие буквы: *Прими на прощанье, прости, Мэри Поппинс.*

— Значит, вы расстаётесь с нами, Нелли-Пелли? — спросила Джейн.

— Да, моя малышка, да! Нынешней ночью, аккуратно в ночь! — хитро хихикнула Нелли-Пелли, заговорщицки подмигнув Мэри Поппинс.

— Вы можете съесть её по пути, мисс Поппинс! — кивнул на конфету дядюшка Доджер.

— Дядюшка Доджер! — нахмурилась Нелли-Пелли.

— Ай-я-яй! Опять брякнул невпопад! Вы уж простите меня, старика! — засуетился дядюшка Доджер.

— Очень мило с вашей стороны! — поблагодарила Мэри Поппинс, будто и не заметив их перепалки.

Она одарила их благосклонной улыбкой и, сунув конфету в свою козловую сумку, покатила коляску дальше.

— Эй! Подождите минуточку, Мэри Поппинс! — просипел кто-то позади них задышающим голосом.

Дети обернулись на drobный стук шагов.

— Смотрите, это же мистер и миссис Наоборот! — воскликнул Майкл, увидев спешащих к ним длинного, тощего человека рука об руку с низенькой, круглой тётушкой.

— Вы не ошиблись, юноша! Только зовите нас миссис и мистер Вверх-Тормашками. Так звучит намного лучше, не правда ли? — Мистер Вверх-Тормашками с высоты своего роста глянул на них сквозь очки, а его жена сердечно пожала руки всем по очереди.

— Милая Мэри, — печально произнёс он, — мы забежали сюда на минутку. Задержим вас ненадолго. Только скажем два коротких словечка: до свидания!

— Ах, дорогая Мэри! — вздохнула миссис Вверх-Тормашками. — Даже короткая разлука покажется нам долгой! — Она всхлипнула, и её большое лицо задрожало, как фруктовое желе.

— Большое спасибо, — ответила Мэри Поппинс, сердечно пожимая им руки.

— Почему разлука то долгая, то короткая? — насторожилась Джейн и крепко прижалась к Мэри Поппинс, то ли испугавшись наступавшей темноты, то ли отчего-то ещё.

— А это проще простого! — настиг их пронзительный пискливый голосок, и некая крохотная фигурка выныр-

нула из темноты. — Это как мои дочери. Волос у них долог, а ум короткий. Сами они долгоязы, да звёзд с неба не хватают. Руки короткие. Вот каковы они, мои жирафики!

На дорожке перед детьми предстала миссис Корри собственной персоной! И, конечно, в своём клоунском платье, увешанном серебряными монетками. За ней стояли её дочери — великанши Анни и Фанни, нависая над крошкой миссис Корри, как две горы.

— Вот и мы! — пропищала миссис Корри, ухмыльнувшись в ответ на широкие улыбки детей. — Хе! Да они растут, как грибы после дождя, верно, Мэри Поппинс? Боюсь, скоро вы уже им не будете нужны!

Мэри Поппинс согласно кивнула. Майкл бросился к ней и обвил её талию руками.

— Неправда, она всегда будет нам нужна! — крикнул он, глядя на Мэри Поппинс умоляющими глазами.

Она смирila его свирепым взглядом.

— Поаккуратней, Майкл! Не дави меня так. Я не сардинка в банке! — фыркнула она, высвобождаясь из его объятий.

— А я пришла сказать вам пару словечек, — пискнула миссис Корри. — Это так старо, Мэри! Кажется, ещё древний царь Соломон говорил нечто подобное царице Савской. — Миссис Корри впиалась в Мэри Поппинс пристальным взглядом и тихо промолвила: — До свидания, моя дорогая!

— И вы уезжаете? — наивно спросил Майкл.

Миссис Корри издала короткий смешок.

— С какой стороны посмотреть! Когда расстаются, то как бы и разъезжаются в разные стороны. Таков расклад. — Она повернулась к своим гигантским дочкам: — Эй, Фанни, Анни! Куда вы, недотёпы, затолкали наши подарки?

— Вот они, мама! — испуганно прогудели великанши и, раскрыв огромные ладони, протянули ей два крошечных имбирных пряника. Один был в форме сердца, а другой вырезан звёздочкой.

Мэри Поппинс восторженно ахнула:

— Ох, миссис Корри! Какой сюрприз! Это редкое угощение достойно восхищения! Благодарю вас!

— Не стоит благодарности, — скромно потупилась миссис Корри. — Так, пустячок!

Миссис Корри небрежно махнула рукой и, шаркая крохотными ножками, пошла рядом с коляской.

— Кажется, сегодня собрались здесь все ваши друзья, — заметил Майкл, поглядев на Мэри Поппинс.

— Разве я отшельница? Полагаю, мне позволено видеть моих друзей, когда пожелаю!

— Да я только спросил... — начал он, но её пронзительный взгляд заставил его умолкнуть.

— Альберт! Неужели это ты?! — заворковала миссис Корри и кинулась навстречу пухлому коротышке, поспешавшему к ним.

Дети взвизгнули от радости, узнав в этой нелепой фигуре мистера Паррика.

— Пропади мои ботинки! Это и впрямь Клара Корри! — восторженно воскликнул мистер Паррик, осторожно пожимая её крохотную ручку.

— Мы и не знали, что вы знакомы! — удивилась Джейн.

— Всего, что вы не знаете, не уместить и в толковом словаре! — высокомерно заявила Мэри Поппинс.

— Знакомы? — пискнула миссис Корри. — Да мы знаем друг друга с детства! Не правда ли, Альберт?

Мистер Паррик весело закудахтал.

— О добрые старые времена! — мечтательно вздохнул он. — Но как ты поживаешь, Мэри, дитя моё?

— Отлично, дядя Альберт! — бодро откликнулась Мэри Поппинс.

— А я подумал, дай-ка заскочу да скажу словечко-другое на прощание. Эта ночь как нельзя лучше подходит для... — Он запнулся и принялся вертеть головой, будто в сумерках, окутавших парк, надеялся кого-то увидеть.

— Подходит для чего? — не преминул спросить Майкл.

Он надеялся, что Мэри Поппинс не очень будет тосковать по своим уехавшим друзьям. «В конце концов мы-то с ней остаёмся! — думал он. — Чего же ей ещё желать?»

— Самая подходящая ночь для того, чтобы отправиться в дальнее плавание! — прогудел адмирал Бум. Он направлялся к ним, широко ступая по скрипучей дорожке и громко напевая на ходу:

— Бушует мрачный океан
И бьёт в корму волной,
Но всё равно из дальних стран
Вернёмся мы домой!..

Эй, увальни! Все на грот-мачту! Поднять якоря! Полный вперёд!.. Эх, путь далёк до Типперэри!.. — Он трубно высморкался и по-адмиральски посмотрел на Мэри Поппинс. — Готовы к отплытию? — сипло выкрикнул он, кладя руку ей на плечо.

— Так точно, сэр! — вытянулась в струнку Мэри Поппинс, весело глядя на него.

— Прекрасно! — выпалил адмирал Бум и затянул:

— Я верен тебе до гроба,
А морю верны мы оба!..

И-эх! — оборвал он сам себя. — Корма-кутерьма! Паруса-небеса!.. Вы не должны так поступать со старым моряком!

— Шарик шарикуну рознь! — донёсся до них высокий голосок, и маленькая Старушка, со свистом рассекая воздух, пронеслась над головой адмирала.

В её руке трепетал небольшой шарик. Он поднимался всё выше и выше, унося её в глубь парка.

— До свидания, мой учёный утёночек! — крикнула она.

— Она промелькнула, как луч света! — восхищённо поглядела Джейн вслед скрывшейся за деревьями Старушке.

— Да уж, не плелась улиткой, как некоторые! Прибавьте шагу! — скомандовала Мэри Поппинс. — Я не собираюсь провести тут всю ночь!

— Думаю, и не придётся! — хихикнула миссис Корри.

И все двинулись дальше. Дети шли молча, не пытаясь больше перечить Мэри Поппинс и докучать ей вопросами. Они взялись за ручку коляски и покатали её вместе с Мэри Поппинс. Погружаясь в синие сумерки, как в реку, и болтая наперебой, вся эта разнородная компания устремилась к выходу из парка.

Вот и кованые ворота. За ними тянулась тёмная улица, и из глубины её плыли звуки музыки. Джейн и Майкл переглянулись. «Что это может быть?» — говорили их удивлённые взгляды. Подгоняемые любопытством, они ускорили шаги. Они хотели идти вровень с Мэри Поппинс, но и узнать, что это за музыка, хотелось не меньше.

Дети украдкой покосились на её стройную строгую фигуру и, сорвавшись с места, опрометью кинулись вперёд.

— Ой, смотри! — закричала Джейн, выскакивая за ворота. — Это же играет на шарманке мистер Твигли!

Мистер Твигли — а это был, конечно же, он — старательно вертел ручку шарманки, и из неё лилась чудесная мелодия. Рядом с ним смутно виднелась маленькая фигурка, чем-то явно знакомая.

— Из самого лучшего сахара! — толковала она мистеру Твигли.

Дети перебежали улицу и тут же разглядели... Кого вы думаете? Верно! Мисс Калико.

— Сахар и пряности,
Пряники-сладости,
Детские радости!.. —

весело напевала мисс Калико, приветливо махая детям руками.

— Не могли бы вы немного подвинуть свою ногу? Вы наступили на одну из моих роз! — проговорил кто-то снизу.

Прямо перед их домом расположился на тротуаре Берт, продавец спичек. Он рисовал цветными мелками на асфальте пышный букет. Элин и полисмен внимательно наблюдали за его работой. А у порога своего дома стояла мисс Ларк, и её собаки, насторожив уши, с удовольствием слушали музыку.

— Подождите минутку! — крикнула мисс Ларк, обращаясь к мистеру Твигли. — Я сбегая домой и принесу вам шиллинг!

Мистер Твигли скромно улыбнулся и покачал головой.

— Не беспокойтесь, мадам! — остановил он мисс Ларк. — Мне не нужно платы. Я играю исключительно ради удовольствия.

Дети заметили, как он обменялся быстрым взглядом с подошедшей Мэри Поппинс, с новой силой завертел ручку шарманки, и та заиграла ещё громче и быстрее.

— Ещё одна незабудка — и картина готова! — бормотал продавец спичек, пририсовывая к букету синий цветок.

— Как это прекрасно, Берт! — восхитилась Мэри Поппинс.

Она откатила коляску в сторону и любовалась пёстрой картиной.

Польщённый художник поднялся на ноги и одним движением снял букет с тротуара.

— Это вам, Мэри! — застенчиво молвил он, протягивая ей цветы. — Я рисовал их специально для вас.

— Правда, Берт? — широко улыбнулась она. — Даже не знаю, как вас благодарить!

Она зарылась зардевшимся от удовольствия лицом в букет, и дети ощутили пряный аромат роз.

Продавец спичек смотрел на неё сияющими, влюблёнными глазами.

— Это произойдёт сегодня? — спросил он.

— Да, Берт, — сказала она, протягивая ему руку.

Продавец спичек запнулся на какое-то мгновение, потом склонил голову и поцеловал руку Мэри Поппинс.

— Что ж, до свидания, Мэри, — печально прошептал он.

— До свидания, Берт, — тихо молвила она и нежно улыбнулась.

— Но что же случится сегодня? — продолжал допытываться Майкл. Никогда ещё он не видел такого суматошного вечера.

— Ах, сегодня самый счастливый вечер в моей жизни! — воскликнула мисс Ларк, вся погружённая в бесконечную музыку шарманки. — Никогда прежде не слышала такой прекрасной музыки! Мои ноги сами в пляс идут.

— Так позвольте им поплясать с моими! — прорычал адмирал Бум и, потянув мисс Ларк за собой, пустился отплясывать вдоль Вишнёвого переулка задорную полечку.

— Ох, адмирал! — томно протестовала мисс Ларк, кружась и прыгая.

Мистер Паррик повернулся к миссис Корри:

— Клара, надеюсь, вы окажете мне честь... — И он, сграбастав её в свои объятия, с гиканьем завертелся в стремительном танце.

— Под шарманку с Чарли-Варли танцевали до утра!
Тра-ра-ра да тра-ра-ра! —

мурлыкал мистер Вверх-Тормашками, и его жена, смущённо улыбаясь, кружилась в его руках. Развевались её широкие юбки, летели за спиной растрепавшиеся локоны.

— А почему бы и нам?.. — расплылся в глуповатой улыбке полисмен и, прежде чем Элин успела подавить очередной чих, увлёк её вслед за остальными.

Раз, два, три! Раз, два, три! Громко и весело играла шарманка. Уличные фонари раскачивались и разгорались всё сильнее. На стенах домов, на тротуаре, на стволах вишнёвых деревьев танцевали, перемешиваясь, свет и тени. Раз, два, три! — дробно постукивали каблук мисс Калико, когда она выплясывала вокруг мистера Твигли.

Музыка была такой зажигательной, что Майкл и Джейн уже не могли устоять на месте.

И они — раз, два, три! — приседая и подпрыгивая, стремительно понеслись по гудящему от топота множества ног переулку.

— Эй! Что тут происходит? Соблюдайте правила движения! В общественных местах танцевать воспрещается! Стойте справа, проходите слева! — нёсся прыжками вдоль Вишнёвого переулка парковый сторож.

— Привет, Попрыгунчик! Тебя-то мне и надо! — обрадовалась мисс Калико.

Сторож и опомниться не успел, как она завертела его в бешеном танце. Бедняга, пыхтя, задыхаясь, разинув рот от изумления, топотал вслед за ней.

— Ещё кружок, Клара! — восклицал мистер Паррик, летая вместе с невесомой миссис Корри.

— Помню, танцевала я с Генрихом Восьмым! О, как это было давно и прекрасно! — тоненько повизгивала она. — Ну-ка, живее, тумбы неповоротливые! Двигайте ногами! — совсем другим, суровым, голосом покрикивала мисс Корри на Фанни и Анни, которые топтались на месте, как пара насупленных слонов.

— Никогда, никогда не была я так счастлива! — возбуждённо напевала мисс Ларк.

— Отправляйтесь в море, дорогая моя Люсинда! Там настоящее счастье! — гудел адмирал Бум, ловко перебирая ногами.

— Да-да, там, там! — звонко смеялась мисс Ларк.

А её собаки испуганно переглядывались, опасаясь, что она и впрямь потащит их в открытое море.

Сумерки стусились. Пары распались одна за другой. Теперь, взявшись за руки, они образовали большой круг,

в центре которого стояла Мэри Поппинс с букетом цветов. Она покачивала коляску и чуть притопывала ногами в такт музыке. Продавец спичек наблюдал за ней, стоя поодаль, на тротуаре.

А Мэри Поппинс, вытянувшись в струнку и улыбаясь, обводила глазами плывущих мимо неё в медленном танце мисс Ларк и адмирала, неразлучную чету Вверх-Тормашками, Нелли-Пелли и её дядюшку Доджера, покачивавшихся на своих деревянных подставках, мисс Калико, крепко державшую ошалевшего паркового сторожа, миссис Корри, обнимавшую мистера Паррика, двух её слонopodobных дочерей. Вдруг сияющий взгляд Мэри Поппинс упал на двух детей, танцующих в круге. Она долго-долго глядела на счастливые лица Майкла и Джейн, самозабвенно кружившихся и словно бы околдованных танцем.

И вдруг, будто почувствовав на себе её пристальный взгляд, дети резко остановились и кинулись к ней, радостные и разгорячённые.

— Мэри Поппинс! — воскликнули они разом, обхватывая её руками и прижимаясь к ней.

Им хотелось высказать всё-всё, чем наполнилась их душа. Но оказалось, что говорить больше ничего и не надо. Достаточно было её имени.

Она положила руки им на плечи и заглянула в глаза. Это был такой внимательный, такой неотрывный и пристальный взгляд, что, казалось, он проник в глубину сердца и прозрел всё самое тайное, что сокрыто там. Словно очнувшись, она улыбнулась чему-то своему, подхватила зонтик с ручкой в виде головы попугая и вынула из коляски Аннабел.

— Я пошла, — сказала она, — а вы, Майкл и Джейн, можете прийти попозже и привести Близнецов.

Они закивали, всё ещё разгорячённые быстрым танцем.

— Ведите себя хорошо, — тихо промолвила Мэри Поппинс. — И помните всё, чему я вас учила.

В ответ на её слова они только беспечно улыбнулись. Что за странная затея толковать об этом да ещё сейчас? Будто так просто забыть все её наставления!

А Мэри Поппинс ласково погладила Близнецов по встрёпанным головкам, застегнула верхнюю пуговицу на пальтишке Майкла и разгладила ладонью воротничок на платье Джейн.

— Ну, мышка-малышка, пора! — подмигнула она Аннабел.

Держа в руках зонтик, цветы и ребёнка, она направилась к Дому Номер Семнадцать. Прямая, чопорная, она всем своим видом показывала полную уверенность в своей непогрешимости и совершенстве.

Едва она взялась за ручку двери, как все танцующие остановились и закричали наперебой:

— Счастливого пути, Мэри Поппинс! Прощайте, Мэри Поппинс!

Она оглянулась через плечо и кивнула, словно прощаясь. Шарманка в последний раз звякнула и умолкла. Ответом ей был стук закрывшейся двери дома.

Джейн замерла. Ей почему-то стало зябко, и снова нахлынуло неприятное чувство одиночества.

Майкл привлёк к себе Близнецов и заботливо укутал их.

— Подождём, пока все разойдутся, и пойдём домой, — сказала Джейн, беспокойно оглядываясь на танцующих.

И вдруг она увидела, что все остановились и сгруппировались на тротуаре, словно чего-то ожидая. Все взгляды были прикованы к Дому Номер Семнадцать.

— Чего они там высматривают? — удивился Майкл и тоже поднял голову, уставившись на тёмное окно детской.

Вдруг оно осветилось, и за занавесками промелькнула быстрая тень. Мэри Поппинс разожгла камин, догадались дети. Отблеск огня заиграл на оконном стекле. Детская освещалась всё ярче и ярче. Тени языков пламени метались на потолке, плясали по стенам. Свет был такой сильный, что выплеснулся наружу и осветил стену дома мисс Ларк, а по ней скользили тени, повторявшие очертания детской со шкафом, с каминной полкой, старым креслом и...

— Дверь! Дверь! — послышалось в толпе.

Какая дверь? Джейн и Майкл недоумённо переглядывались, пожимая плечами.

И вдруг поняли всё!

— Ой, Майкл! Это вовсе не её друзья уезжают! — испуганно ахнула Джейн. — Скорей! Скорей! Мы должны удержать её!

Дрожащими руками они подхватили Близнецов и поволокли их к дому. Пробежав по дорожке, они распахнули входную дверь и бросились вверх по лестнице в детскую.

Они окинули быстрым взглядом комнату. Всё было как всегда. В камине мирно потрескивал огонь. Уютно устроившись под одеяльцем, спокойно ворковала Анна-бел. Кубики, из которых они складывали замок, были аккуратно сложены в углу. Рядом с ними лежала коробка с домино, подаренная Майклу.

Вдох облегчения вырвался из груди детей, когда они увидели, что все вещи преспокойно лежат на своих местах.

Все ли? Нет! Одной вещи не было!

— Раскладушка! — воскликнул Майкл. — Она исчезла! А... где Мэри Поппинс?

Он кинулся прочь из детской, выкрикивая на ходу её имя. Он заглянул в ванную, выскочил на лестничную площадку, перегнулся через перила, выискивая её внизу, снова вернулся в детскую.

— Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! — разносились по дому взволнованные детские голоса.

Джейн взглянула на освещённое пламенем камина окно и коротко вскрикнула:

— Майкл! Майкл! Вон она! И там Другая Дверь!

Он посмотрел в ту сторону, куда указывала Джейн, и обомлел.

За окном в воздухе висело отражение детской. Оно тянулось до стены дома мисс Ларк. Там, в отражённой, светящейся комнате, всё было точно так, как здесь, у них. Колыбелька Аннабел, сотканная из света, и, словно слепленный из световых лучей, стол, и даже огонь в камине не горел, а мерцал серебристым светом. И там же сияла Другая Дверь — отражение двери в детскую. Она висела над садом слепящим видением. Прямо перед ней чётко рисовались их собственные отражения. А к этой сияющей Другой Двери по невесомому светящемуся полу, ступая легко и воздушно, шла Мэри Поппинс! В одной руке она держала свою козую сумку, в другой — букет продавца спичек, а под мышкой был зажат зонтик с ручкой в форме головы попугая. Она уходила прочь, минуя светящиеся отражения так знакомых им вещей. И в такт её шагам слегка подрагивали маргаритки на её соломенной шляпке.

С громким, отчаянным криком кинулся Майкл к окну.

— Мэри Поппинс! — звал он. — Вернитесь! Вернитесь! Позади него захныкали Близнецы.

— О, пожалуйста, Мэри Поппинс, вернитесь к нам! — умоляла Джейн, стоя коленками на подоконнике.

Мэри Поппинс даже не оглянулась. Она упрямо шагала к сияющей в воздухе Двери.

— Но она идёт прямо в стену мисс Ларк! — опешил Майкл. — А дальше деваться некуда!

Не успел он договорить, как Мэри Поппинс широко распахнула эту сияющую Дверь. Дети так и раскрыли рты от изумления. Стена исчезла! Перед Мэри Поппинс открылось безбрежное чёрное небо. И она в своём синем пальто ясно выделялась на фоне этого звёздного пространства.

— Вернитесь, Мэри Поппинс! — в последней надежде закричали дети.

Она уже занесла ногу над порогом бездны, но, словно услышав их страстный вопль, замерла на мгновение и обернулась. Искоркой сверкнула приколотая к пальто морская звезда. Мэри Поппинс улыбнулась прильнувшему к окну детской четырём печальным личикам и помахала им букетом. В следующий миг она раскрыла над головой свой зонтик и шагнула в ночь.

Зонтик затрепетал, напряжился и, наполнившись светом, будто воздухом, превратился в тугой купол. И вдруг, словно ощутив свободу, он рванулся вверх и устремился в звёздное небо. Всё выше, выше, выше... Мэри Поппинс, держась за ручку в виде головы попугая, уносилась прочь. Под ней застыли в ночи деревья парка. И когда она почти растаяла вдали, запела шарманка, заиграла нечто громкое и торжественное, напоминающее свадебный марш.

Камин в детской угас. Дрова прогорели, и, перемигиваясь, мерцали покрытые серой золой угольки. Вместе с исчезнувшим пламенем пропала отражённая комната. Вскоре уже ничего не было видно, кроме вишнёвых деревьев, раскачивавшихся на ветру, да голой стены дома мисс Ларк.

А в небе над крышами городских домов неслась светящаяся фигурка, сотканная, казалось, из отблесков угасающего огня, из пучков лучей, искрящихся всеми цветами радуги. Наконец она превратилась в крохотную звёздочку, ярко вспыхнувшую в чёрном холодном небе.

Лёжа на подоконнике и подперев подбородки руками, четверо детей во все глаза смотрели на эту звёздочку. Их сердца были переполнены печалью, а грудь сдавливала непонятная боль. Они не пытались объяснить себе, что же произошло, потому что знали — всё, что происходит с Мэри Поппинс, необъяснимо. Никто не знал, откуда она появилась, и никому не дано знать, куда исчезла теперь. Они были уверены только в одном: она выполнила своё обещание оставаться с ними до тех пор, пока не откроется Другая Дверь. Увидят ли они снова её подтянутую, строгую фигурку в синем пальто и соломенной шляпке?

Майкл дотянулся до коробки домино, поставил её на подоконник между собой и Джейн. И они, положив руки на гладкую крышку коробочки, долго и неотрывно, до боли в глазах, следили за исчезающей звёздочкой.

Тут в детскую вошла миссис Бэнкс.

— Что это вы, дорогие мои, сидите здесь одни, в темноте? — Она зажгла свет. — А где Мэри Поппинс? — спросила она, недоумённо оглядываясь.

— Ушла, мадам, — обиженно произнесла миссис Брилл, показываясь в дверях.

Миссис Бэнкс удивлённо подняла брови.

— Как это — ушла? — растерялась она. — Объясните!

— А чего объяснять? Было это так. Слушала я, значит, шарманку, что играла как раз на нашей улице, — обстоятельно толковала миссис Брилл. — А тут вижу, продавец спичек катит к нашим дверям колясочку Аннабел. Я ему: «Здрасте! А где Мэри Поппинс?» А он и отвечает: мол, ушла. Топ-хлоп — и нету! Хотя бы записочку черкнула!

— Ох, что же теперь делать? — запричитала миссис Бэнкс, оседая в старое кресло.

— Что делать? Танцевать под шарманку! — весело воскликнул мистер Бэнкс, входя в детскую.

— Не болтай глупостей, Джордж! У нас беда! Ушла Мэри Поппинс! — трагически заломила руки миссис Бэнкс. — Джордж, ты слышал, что я сказала?

Но мистер Бэнкс и внимания не обратил на её слова. Он самозабвенно кружился по комнате, подхватив полы своего пальто.

— Не могу остановиться! — восклицал он. — Шарманка на улице играет мой любимый «Голубой Дунай»! Та-рам-пам-пам, та-рам-пам-пам!..

И, выдернув миссис Бэнкс из кресла, он закружил её в вальсе.

— Ти-ри-рим-пам-пам! Ти-ри-рим-пам-пам! — напевал он.

Круг, другой... Запыхавшиеся, хохочущие, они остановились и пристроились на подоконнике рядом с детьми.

— Джордж, это серьёзно! — отсмеявшись, произнесла миссис Бэнкс.

— Я вижу кое-что посерьёзнее! — вскричал мистер Бэнкс, глядя в окно. — Падающая звезда! Видите? Дети, загадывайте желание!

Черноту неба прорезала сверкающая вспышка. Она летела наискосок, оставляя за собой мерцающий хвост. И все, кто следил за ней, чувствовали, как сердца их неожиданно наполняются любовью и светом. Шарманка под окнами умолкла, танцующие остановились и, взявшись за руки, высоко задрав головы, смотрели в ночное небо.

— Любовь моя! — прошептал мистер Бэнкс, нежно коснувшись щеки своей жены.

Они обнялись и загадали желание.

Джейн и Майкл замерли и, затаив дыхание, прислушивались к таинственному светлomu чувству, которое зарождалось в их душах. И владело ими одно желание — никогда, никогда в жизни не забывать Мэри Поппинс. Да, многого они ещё не понимают, столько вопросов остаётся пока без ответов. Но светящаяся фигурка, звездой прорезающая небо, навсегда останется их тайной, не требующей разгадки. И светлыми летними днями, и длинными зимними вечерами они будут думать о Мэри Поппинс и вспоминать каждое её словечко. Дождь и солнце, птицы и звери, первые весенние цветы и холодный осенний ветер — всё-всё будет напоминать им о ней. Да, Мэри Поппинс улетела, но то, чем она их одарила, навсегда останется с ними.

— Мы никогда не забудем тебя, Мэри Поппинс! — шептали они, вглядываясь в беспроглядно чёрное небо.

На какое-то мгновение звёздочка замерла на лету, и детям показалось, что это Мэри Поппинс в ответ про-

щально махнула им рукой. Затем тьма сомкнулась и чёрным крылом ночи скрыла звёздочку от их глаз.

— Исчезла! — вздохнул мистер Бэнкс.

Он задёрнул занавески и увлёк их всех к дышащему теплом камину...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая

Добро пожаловать! 3

Глава вторая

Желания мистера Твигли 27

Глава третья

Мятные лошадки 51

Глава четвёртая

Высокий Прилив 75

Глава пятая

Долго и счастливо 102

Глава шестая

Другая Дверь 127

Литературно-художественное издание

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ТРЭВЕРС Памела Линдон

МЭРИ ПОППИНС ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ

Сказочная повесть

Художник О. ДМИТРИЕВА

Ответственный редактор Т. А. НИКОЛЬСКАЯ

Художественный редактор М. В. ПАНКОВА

Технический редактор Е. С. ТИЩЕНКО

Корректор Л. А. ЛАЗАРЕВА

Верстка А. А. КОМАРОВСКОГО

Подписано в печать 15.11.14.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,0. Тираж 7 000 экз.

ID 26003. Заказ № 3782.

ЗАО «РОСМЭН».

Почтовый адрес:

127018, г. Москва, ул. Октябрьская, д. 4, корп. 2. Тел.: (495) 933-71-30.

Юридический адрес:

117465, г. Москва, ул. Генерала Тюленева, д. 29, корп. 1.

*Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ,
получить опережающую информацию о планах выхода изданий
и перспективных проектах в Интернете по адресу: www.rosman.ru*

6+

Знак информационной
продукции согласно
Федеральному закону
от 29.12.2010 г.
№ 436-ФЗ

ОТДЕЛ ПРОДАЖ:
(495) 933-70-73; 933-71-30;
(495) 933-70-75 (факс).

ЕАС

Дата изготовления: декабрь 2014 г.
Отпечатано в России.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Трэверс П. Л.
Т66 Мэри Поппинс открывает Дверь : сказочная повесть/
Пер. с англ. и пересказ Л. Яхнина ; Рис. О. Дмитриевой. –
М. : РОСМЭН, 2015. – 160 с.

Это уже третий визит Мэри Поппинс в семейство Бэнксов.
И как всегда, с ее появлением мир вокруг волшебнo преображается.
Но в конце книги, открыв таинственную Дверь, Мэри Поппинс улетает
навсегда...

ISBN 978-5-353-07090-0

УДК 821.111-3-93
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-353-07090-0

